

Ж У Р Н А Л Ы
СОБРАНИЙ СОВѢТА МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ
за 1909 годъ.

12 марта 1909 года.

№ 1.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостыинъ, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ и С. С. Глаголевъ; экстраординарные профессора—И. В. Поповъ, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали: ординарные профессора—А. И. Введенскій, А. А. Спасскій и М. М. Тарѣевъ; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ и Н. Г. Городенскій.

Слушали: I. Сообщенный Правленіемъ Академіи (въ копіи) указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 4 февраля 1909 года за № 1358:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленные Преосвященными Архіепископами Волинскимъ Антоніемъ и Псковскимъ Арсеніемъ отчеты о произведенныхъ ими, во исполнение Высочайшихъ повелѣній отъ 14 марта и 16 сентября 1908 года, ревизіяхъ Кіевской и Казанской духовныхъ академій, 2) докладную записку производившаго совместно съ Преосвященными Архіепископами Херсонскимъ и

Псковскимъ ревизію С-Петербургской, Московской и Казанской академіи члена Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета профессора Остроумова и 3) докладъ Комиссіи по проектированію потребныхъ для упорядоченія академической жизни мѣропріятій. Приказали: Обсудивъ изложенныя въ отчетахъ Архіепископовъ Волинскаго Антонія и Псковскаго Арсенія о произведенныхъ ими ревизіяхъ Кіевской и Казанской духовныхъ академіи и докладной запискѣ члена Учебнаго при Святѣйшемъ Синодѣ Комитета профессора Остроумова, производившаго совмѣстно съ Архіепископами Херсонскимъ и Псковскимъ ревизію С-Петербургской, Московской и Казанской академіи, свѣдѣнія о современномъ состояніи названныхъ академіи въ связи съ докладомъ Комиссіи по проектированію потребныхъ для упорядоченія академической жизни мѣропріятій, Святѣйшій Синодъ находитъ, что изъясненныя въ Синодальномъ постановленіи отъ 26 ноября 1905 года основныя начала устройства духовныхъ академіи, введенныя, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 25 января 1906 года въ дѣйствіе, въ видѣ временныхъ мѣръ, съ цѣлью согласованія существовавшего порядка академическаго управленія съ современными задачами православной церкви и богословской науки, а равно и возстановленія правильнаго теченія академической жизни, не дали ожидавшихся отъ нихъ благихъ результатовъ. Вслѣдствіе сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: приведенныя въ Синодальномъ постановленіи отъ 26 ноября 1905 года временныя правила по управленію духовными академіями и внесенныя, по опредѣленію Святѣйшаго Синода отъ 21 февраля 1906 года, въ соотвѣтствіе съ ними, въ уставъ духовныхъ академіи 1884 г. измѣненія отмѣнить, возстановивъ въ отношеніи къ академіямъ въ полной мѣрѣ дѣйствіе означеннаго устава, впредь до выработки и введенія въ дѣйствіе предполагаемаго новаго устава. О чемъ, для свѣдѣнія и исполненія, объявить указами Вашему Преосвященству, Преосвященнымъ Митрополитамъ С-Петербургскому и Кіевскому и Архіепископу Казанскому“.

На означенномъ указѣ резолюція Его Высокопреосвященства за № 548: „1909 г. Февр. 5. Въ Правленіе Московской Духовной Академіи для объявленія академической корпорации“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію и руководству.

II. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Янв. 29. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 26 января 1909 года за № 1006:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 21 января сего года № 33, по ходатайству Совѣта Московской духовной академіи о разрѣшеніи ординарному профессору по кафедрѣ общей церковной исторіи Анатолію Спасскому которому было поручено съ 1 февраля 1908 года временное чтеніе лекцій по вакантной кафедрѣ *новой гражданской исторіи*, продолжать чтеніе сихъ лекцій до конца 1908—1909 учебнаго года. Приказали: Въ виду изъясненной Совѣтомъ Московской духовной академіи необходимости возложенія чтенія лекцій по кафедрѣ новой гражданской исторіи въ академіи до конца 1908—1909 учебнаго года на временнаго преподавателя, Святѣйшій Синодъ, руководствуясь Высочайшимъ повелѣніемъ 9 мая 1881 г., опредѣляетъ: разрѣшить ординарному профессору названной академіи Анатолію Спасскому продолжать, въ видѣ изъятія, чтеніе лекцій студентамъ академіи по новой гражданской исторіи до конца 1908—1909 учебнаго года, о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣдѣнію и исполненію.

III. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Янв. 30. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 29 января за № 1118:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) донесеніе Вашего Преосвященства, отъ 10 Ноября 1908 г. № 480, о состоявшейся въ собраніи Совѣта Московской духовной академіи, 23 Октября того же года, защитѣ и. д. доцента академіи Ильею *Громогласовымъ* представленной на соисканіе

степени магистра богословія диссертациі, подъ заглавіемъ: „Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Выпускъ I. Введеніе. Определеніе брака въ 48 гл. Кормчей (Градск. зак. гр. 4, гл. 1)“, при чемъ официальными оппонентами были сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ академіи Николай Заозерскій и и. д. экстраординарнаго профессора Императорскаго С.-Петербургскаго университета Иванъ Андреевъ, и объ утвержденіи Совѣтомъ Громогласова въ искомой имъ богословской ученой степени, 2) предложенное Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, отъ 7 того же Ноября за № 9282, отношеніе ревизовавшаго по Высочайшему повелѣнію Московскую духовную академію Преосвященнаго Херсонскаго Димитрія о допущенномъ на коллоквиумѣ И. Громогласова нарушеніи устава духовныхъ академій, выразившемся въ томъ, что официальнымъ оппонентомъ, по назначенію академическаго Совѣта, рядомъ съ профессоромъ академіи, выступилъ оставившій службу въ академіи и состоящій нынѣ профессоръ С.-Петербургскаго университета И. Андреевъ, который былъ и официальнымъ рецензентомъ сочиненія Громогласова, по порученію Совѣта академіи, и 3) подробный отзывъ присутствующаго въ Святѣйшемъ Синодѣ Преосвященнаго Волинскаго Антонія, отъ 17 сего Января за № 3451, о названой диссертациі Громогласова. И, по справкѣ, приказали: По разсмотрѣніи вышепомянутыхъ представленій Вашего Преосвященства и отношенія Преосвященнаго Херсонскаго, Святѣйшій Синодъ поручилъ Архіепископу Волинскому Антонію представить ученый отзывъ о сочиненіи и. д. доцента Московской духовной академіи И. Громогласова, удостоеніе коего Совѣтомъ академіи магистерской степени Святѣйшій Синодъ призналъ, согласно мнѣнію Архіепископа Димитрія, незаконнымъ и несостоявшимся по той причинѣ, что рецензентомъ диссертациі Громогласова и официальнымъ оппонентомъ на его коллоквиумѣ, вопреки уставу академіи и дѣйствующимъ правиламъ, явился профессоръ университета Андреевъ уже по оставленіи имъ академической службы, при томъ заявившій о своей неосвѣдомленности въ предметъ диссертациі. Изъ представленнаго Преосвященнымъ Антоніемъ отзыва видно, что диссертациія Громогла-

сова, хотя и скудна по содержанию и недостаточно обработана по изложению, но имѣть и свои достоинства, достаточныя для того, чтобы она была признана удовлетворительною для искомой имъ степени. Въ виду сего Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: 1) предоставить Совѣту Московской духовной академіи удостоить Громогласова степени магистра богословія за вышепомянутую его диссертацию и 2) сдѣлать Совѣту замѣчаніе за допущеніе профессора университета Андреева, вопреки академическому уставу и правиламъ разсмотрѣнія сочиненій на ученія богословскія степени, къ оцѣнкѣ диссертации Громогласова въ качествѣ рецензента и оффиціальнаго оппонента на коллоквиумѣ; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

б) Отношеніе Канцеляріи Святѣйшаго Синода отъ 12 февраля за № 1704:

„Въ дополненіе къ указу Святѣйшаго Синода, отъ 29 минувшаго Января за № 1118, на имя Преосвященнаго Митрополита Московскаго, Синодальная Канцелярія имѣть честь возвратить при семъ къ дѣламъ Совѣта Московской духовной академіи подлинныя журналы отъ 15 и 23 октября 1908 г. за №№ 19 и 22 и отзывы профессоровъ Заозерскаго и Андреева о сочиненіи П. М. Громогласова „Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго браказаключенія“.

Справка: 1) По § 48 устава православныхъ духовныхъ академій 1884 года—„для полученія званія доцента надлежитъ имѣть степень не ниже магистра“. 2) По § 56 того же устава—профессорскіе стипендіаты Академіи „могутъ быть опредѣляемы на соотвѣтственныя ихъ приготовленію вакантныя каѣдры съ званіемъ исправляющихъ должность доцента, до окончательнаго утвержденію въ степени магистра“. 3) На основаніи упомянутаго § 56 — кандидатъ богословія Илья Громогласовъ, согласно избранію Совѣта, опредѣленъ былъ исправляющимъ должность доцента Академіи по каѣдрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола резолюціею Его Высокопреосвященства отъ 22 ноября 1894 года.— 4) По § 53 того же устава доценты утверждаются въ должности Епархіальнымъ Преосвященнымъ.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ свѣ-

дѣнію и руководству.—2) Выдать исправляющему должность доцента Академіи И. М. Громогласову установленный дипломъ на степень магистра богословія и внести объ утверженіи его въ означенной степени въ послужной его списокъ.—3) Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утверженіи магистра богословія Ильи Громогласова въ должности доцента Академіи по занимаемой имъ кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола.

IV. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи *19 декабря 1908 года, № 24*: „1909 г. Янв. 21. По ст. VI и XXIV. Согласенъ ходатайствовать. По ст. VIII. Отпускъ стипендіату Петру Нечаеву на срокъ четырехъ мѣсяцевъ (съ 15 января по 15 мая) съ правомъ пользоваться за это время положеннымъ ему содержаніемъ разрѣшается. Прочее смотрѣно“.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію и исполненію.

V. а) Отношеніе на имя Преосвященнаго Ректора Академіи *Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго*, отъ 3 января за № 6:

„Препровождая при семь пятнадцать тысячъ рублей въ трехъ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты за №№ 0140 серія 255, № 0168 серія 113 и № 0222 серія 199 по пяти тысячъ рублей, съ двадцатью тремя купонами каждое, на двѣ стипендіи при Московскои Духовнои Академіи и положеніе о сихъ стипендіяхъ, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство сдѣлать по сему зависящее отъ Васъ распоряженіе, а о полученіи денегъ почтить меня увѣдомленіемъ“.

Справка: 1) О полученіи щедраго дара Его Высокопреосвященству сообщено отношеніемъ за № 65, съ выраженіемъ глубокой благодарности отъ имени Правленія Академіи.—2) Процентныя бумаги на номинальную сумму 15000 рублей переданы въ Правленіе Академіи и внесены на храненіе въ Московскую Контору Государственнаго Банка.

б) Приложенное къ означенному отношенію „Положеніе о стипендіяхъ Преосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, при Московскои Духовнои Академіи“:

§ 1.

На проценты съ капитала въ *пятнадцать тысячъ рублей* учреждаются при Московской Духовной Академіи двѣ стипендіи *Пресвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго.*

§ 2.

Стипендіальный капиталъ, заключающійся въ свидѣтельствахъ Государственной 4% ренты на сумму пятнадцать тысячъ рублей, остается неприкосновеннымъ и составляетъ неотъемлемую собственность Академіи.

§ 3.

Проценты съ вышеозначеннаго капитала, за удержаніемъ изъ нихъ государственнаго 5% сбора, по закону 20 мая 1885 года, обращаются на нужды стипендіатовъ.

§ 4.

Стипендіи предоставляются, по назначенію Совѣта Академіи, сиротамъ или бѣднѣйшимъ изъ студентовъ Академіи духовнаго происхоженія, лучшимъ по нравственнымъ качествамъ и успѣхамъ, причемъ преимущество отдается уроженцамъ Ярославской и Ставропольской епархій.

§ 5.

Пользованіе стипендіями не налагаетъ на стипендіатовъ никакихъ обязательствъ.

§ 6.

Могущіе образоваться почему-либо остатки отъ процентовъ съ стипендіальнаго капитала присоединяются къ этому капиталу для увеличенія размѣровъ стипендій.

§ 7.

Въ случаѣ закрытія означенной Академіи, стипендіи переводятся въ другую духовную православнаго вѣдомства академію, гдѣ и распредѣляются согласно настоящему положенію.

Опредѣлили: Просить ходатайства Его Высокопреосвященства предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи при Академіи двухъ стипендій имени Высокопреосвященнаго Агаѳодора, Архіепископа Ставропольскаго и Екатеринодарскаго, и объ утверженіи положенія объ оныхъ, составленнаго самимъ жертвователемъ.

VI. Вѣдомости Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ декабрь мѣсяцъ 1908 года, январь и февраль 1909 года, изъ которыхъ видно, что:

1) въ декабрь мѣсяцъ—а) по болѣзни: ординарный профессоръ А. И. Введенскій, экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ, исправляющіе должность доцента и лекторы новыхъ языковъ И. М. Громогласовъ и Д. Г. Коноваловъ опустили по 8 лекцій; экстраординарный профессоръ А. И. Покровскій—6 лекцій; и. д. доцента Ѳ. М. Россейкинъ—4 лекціи; ординарный профессоръ А. А. Спасскій, доцентъ А. П. Орловъ и и. д. доцента Н. Л. Туницкій—по 3 лекціи; сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій и и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—по 2 лекціи; б) по домашнимъ обстоятельствамъ: и. д. доцента П. А. Флоренскій—1 лекцію.

2) въ январь мѣсяцъ—а) по болѣзни: Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь опустилъ 10 лекцій, доцентъ А. П. Орловъ—5 лекцій, ординарный профессоръ С. С. Глаголевъ, экстраординарные профессора С. П. Смирновъ и А. П. Покровскій и и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ—по 4 лекціи, и. д. доцента священникъ Д. В. Рождественскій—3 лекціи; доцентъ М. М. Богословскій и и. д. доцента П. А. Флоренскій—по 2 лекціи; б) по служебнымъ обязанностямъ: заслуженный ординарный профессоръ А. Д. Бѣляевъ—2 лекціи; в) по домашнимъ и семейнымъ обстоятельствамъ: и. д. доцента и лекторъ французскаго языка Д. Г. Коноваловъ—12 лекцій, ординарный профессоръ А. А. Спасскій—6 лекцій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій—4 лекціи и и. д. доцента Н. Л. Туницкій—1 лекцію.

3) въ февраль мѣсяцъ—по болѣзни: экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ и и. д. доцента и лекторъ англійскаго языка И. М. Громогласовъ опустили по 8 лекцій, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь—4 лекціи, доцентъ М. М. Богословскій—2 лекціи и и. д. доцента П. А. Флоренскій—1 лекцію.

Опредѣлили: Вѣдомости записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

VII. Прошение на имя Преосвященного Ректора бывшего экстраординарного профессора Академіи, магистра богословія, *Василія Мышцына*:

„Представляя при семъ два экземпляра своего сочиненія „Устройство христіанской церкви въ первые два вѣка“ (Сергіевъ Посадъ, 1909) на соисканіе ученой степени доктора церковной исторіи, покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство дать моему прошенію надлежащее движеніе“.

Справка: По § 81 лит. а п. 6 устава духовныхъ академіи 1884 года „распоряженіе о разсмотрѣннй диссертациі на ученые степени и оцѣнка оныхъ“ значится въ числѣ дѣлъ, окончательно рѣшаемыхъ самимъ Совѣтомъ Академіи.

Опредѣлили: Докторскую диссертацию бывшего экстраординарного профессора Академіи В. Н. Мышцына передать для разсмотрѣннй ординарному профессору Академіи по кафедрѣ общей церковной исторіи А. А. *Спасскому*.

VIII. Отношеніе Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ:

„Весною 1909 года Россія празднуетъ торжественное открытіе памятника своему знаменитому писателю, заложившему вмѣстѣ съ Пушкинымъ основы русскаго художественнаго реализма, Николаю Васильевичу Гоголю. Памятникъ сооруженъ въ Москвѣ на средства, собранныя всенародной подпиской по инициативѣ Общества Любителей Россійской Словесности. $\frac{20 \text{ марта}}{2 \text{ апрѣля}}$ того же года исполнится сто лѣтъ со дня а „Мертвыхъ Душъ“, что еще болѣе возвышаетъ значеніе предстоящаго торжества.

Общество Любителей Россійской Словесности позволяетъ себѣ обратиться къ Московской Духовной Академіи съ предложеніемъ почтить своимъ участіемъ свѣтлый праздникъ всей Россіи.

Открытіе памятника состоится $\frac{28 \text{ Апрѣля}}{9 \text{ Мая}}$ 1909 года.

Общество Любителей Россійской Словесности проситъ по возможности заблаговременно сообщить, въ какой формѣ (присылкой депутаціи, привѣтственнаго адреса, телеграммы и т. п.) Академія предполагаетъ принять участіе въ нашемъ торжествѣ. Послѣднее необходимо для соображеній организационнаго характера.

Адресы, рѣчи и всякаго рода привѣтствія допускаются на всѣхъ языкахъ.

Опредѣлили: Просить Преосвященнаго Ректора Академіи *Епископа Евдокима*, Почетнаго Члена Академіи — бывшаго заслуженнаго ординарнаго профессора по кафедрѣ русскаго и церковно-славянскаго языковъ (съ палеографіей) и исторіи русской литературы *Г. А. Воскресенскаго* и нынѣ занимающаго означенную кафедру и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго* — принять, въ качествѣ депутатовъ отъ Академіи, участіе въ торжествахъ по случаю открытія памятника Н. В. Гоголю и составить ко дню открытія (26 апрѣля 1909 года) привѣтственный отъ имени Академіи адресъ Обществу Любителей Россійской Словесности, по инициативѣ котораго сооруженъ памятникъ.

IX. Предложеніе и. д. доцента Академіи *Н. Л. Туницкаго*: „Хранитель Церковнаго Музея во Львовѣ (въ Австро-Венгріи) обратился ко мнѣ съ частнымъ письмомъ, въ которомъ проситъ меня сообщить Совѣту нашей Академіи, отъ имени Церковнаго Музея, предложеніе произвести обмѣнъ старопечатныхъ славянскихъ изданій, имѣющихся въ библиотекѣ Музея въ двухъ экземплярахъ, на дублиеты старопечатныхъ изданій, принадлежащія библиотекѣ Академіи. Кромѣ того, онъ сообщаетъ о готовности Администраціи Музея уступить свои дублиеты и взамѣнъ за Описанія рукописей и изданія ц.-славянскихъ текстовъ, если-бы лишніе экземпляры таковыхъ оказались въ нашей библиотекѣ. Ознакомившись съ недавно вышедшимъ Каталогомъ книгъ церковно-славянской печати Львовскаго Музея, я, съ своей стороны, нахожу, что тамъ имѣются дублиеты довольно цѣнныхъ и рѣдкихъ старопечатныхъ изданій, приобрѣтеніе которыхъ для нашей библиотеки было бы весьма желательнымъ. Назову, напр., Венеціанскій Октоихъ 1537 года, Венеціанскій Служебникъ 1554 года, Цвѣтную Тріодь, Вильно, 1609 г. Съ другой стороны, мнѣ кажется, что нѣкоторыя изданія, преимущественно Московской печати, имѣющіяся въ академической библиотекѣ въ количествѣ 2-хъ и болѣе экземпляровъ, могутъ быть уступлены Музею безъ всякаго ущерба для Академіи. Поэтому я считаю своимъ долгомъ почтительнѣйше сообщить Вашему Преосвященству о

вышеизложенномъ предложеніи хранителя Львовскаго Музея и просить Ваше Преосвященство довести его до свѣдѣнія Совѣта Академіи“.

Опредѣлили: Предварительное обсужденіе вопроса объ обмѣнѣ дублетовъ старопечатныхъ изданій, принадлежащихъ академической библіотекѣ, на дублеты старопечатныхъ славянскихъ изданій библіотеки Церковнаго Музея во Львовѣ поручить комиссіи изъ ординарнаго профессора Академіи *А. П. Голубцова*, экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*, и д. доцента *Н. Л. Тулицкаго* и библіотекаря Академіи *К. М. Попова*, которая свои заключенія по сему дѣлу и имѣеть представить на разсмотрѣніе Совѣта Академіи.

Х. Заявленіе душеприказчика по завѣщанію умершаго заслуженнаго ординарнаго профессора Императорскаго Московскаго Университета Алексѣя Петровича Лебедева—священника Московской Іоанно-Предтеченской подъ Боромъ церкви *Петра Сахарова*:

„Оставшіяся мнѣ по духовному завѣщанію, пунктъ 12-й ¹⁾, бумаги Алексѣя Петровича Лебедева жертвую въ фундаментальную библіотеку Московской Духовной Академіи, предоставляя ихъ въ распоряженіе Совѣта.

При этомъ позволяю себѣ выразить пожеланіе, чтобы все то, изъ бумагъ покойнаго профессора Алексѣя Петровича, что Совѣтъ Академіи найдетъ возможнымъ и полезнымъ опубликовать въ печати (напр. курсъ его лекцій по библейской исторіи ветхаго и новаго завѣта и курсъ лекцій по церковной археологіи), было бы помѣщено въ академическомъ органѣ „Богословскій Вѣстникъ“ и составило бы собственность редакціи.

Что же касается остальваго рукописнаго матеріала, неподлежащаго пока опубликованію, то желательно, чтобы онъ

1) Пунктъ 12-й завѣщанія: „Душеприказчикомъ по сему моему завѣщанію назначаю и прошу быть означеннаго выше священника Предтеченской, подъ Боромъ, церкви Петра Петровича Сахарова, въ собственность котораго отдаю всѣ мои бумаги, не представляющія собой цѣнности, печатныя книги моего сочиненія, а также остальной мой денежный капиталъ, если-бы таковой оказался“. А пунктъ 9-й завѣщанія: „Библіотеку мою и лучшіе золотые часы, съ такою же цѣнью, отказываю тому, кто въ день моей смерти будетъ состоять преподавателемъ общей церковной исторіи въ Московской Духовной Академіи“.

составилъ въ бібліотекѣ Академіи особыя рукописныя архивы имени профессора А. П. Лебедева, подобный имѣющемуся въ ней архиву А. В. Горскаго“.

Опредѣлили: 1) Выразить жертвователю отъ лица Совѣта Академіи глубокую благодарность.—2) Поручить редактору академическаго журнала „Богословскій Вѣстникъ“—экстраординарному профессору А. И. Покровскому и бібліотекарю Академіи К. М. Попову составить инвентарь поступившихъ въ бібліотеку бумагъ покойнаго профессора А. П. Лебедева и о послѣдующемъ донести Совѣту Академіи.

XI. а) Отношеніе Совѣта 2-го Кіевскаго Женскаго Училища Духовнаго Вѣдомства, отъ 13 января за № 16—съ возвращеніемъ принадлежащей академической бібліотекѣ книги „Букварь“, изданный Поликарповымъ въ 1701 году.

б) Отношенія съ увѣдомленіемъ о полученіи возвращенныхъ Совѣтомъ Академіи рукописей, дѣлъ и книгъ, присланныхъ изъ различныхъ учреждений для научныхъ занятій г.г. профессоровъ и студентовъ Академіи:

- 1) Императорской Россійской Миссіи въ Сербіи, отъ 17 февраля за № 115 (рукописи Сербской Королевской Академіи Наукъ: „Житія Св. Наума, Ераома и др.“);
- 2) Императорской Публичной Библіотеки, отъ 4 марта за № 358 (болгарскихъ рукописей за №№ 74 и 102);
- 3) Совѣта Кіевской Духовной Академіи, отъ 31 декабря за № 1695 (книги: Tillemont, Memoires pour servir a l'histoire ecclesiastique, t. XIV);
- 4) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 3 января за № 3 (греческой рукописи Синодальной Библіотеки № 502);
- 5) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 20 декабря за № 1999 (рукописи Лаврской бібліотеки за № 204—„Измарагдъ“);
- 6) Симбирской Духовной Консисторіи, отъ 3 марта за № 2695 (дѣла № 27/24—1876 г. объ открытіи въ г. Алатырь секты, именуемой „Кораблемъ“).

в) Отношенія съ препровожденіемъ изъ различныхъ учреждений рукописей для научныхъ занятій г.г. профессоровъ и студентовъ Академіи:

- 1) Г. Прокурора Московской Святѣйшаго Синода Конторы, отъ 3 января за № 4 (рукопись Синодальной Библиотеки за № 163—262);
- 2—3) Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры, отъ 30 декабря за № 2053 (рукописи Лаврской библиотеки за №№ 696, 673 и 759) и 24 января за № 137 (рукопись Лаврской библиотеки за № 199);
- 4) Правленія Кіево-Златоверхо-Михайловскаго первокласснаго монастыря, отъ 7 февраля за № 86 (рукописные сборники за №№ 490 и 492);
- 5) Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи, отъ 26 января за № 91 (рукописи Софійской библиотеки за №№ 1265 и 1136);
- 6) Совѣта Кіевской Духовной Академіи, отъ 2 января за № 2 (рукописныя проповѣди Филарета, Митрополита Кіевскаго, за № 98);
- 7—8) Г. Директора Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ отъ 22 января за № 80 (рукописи за №№ 406 и 411) и 23 января за № 87 (рукопись изъ собранія Ундольскаго за № 1043).

Справка: Означенныя рукописи, немедленно по полученіи, сданы были, для храненія и пользованія ими, въ фундаментальную академическую библиотеку.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

ХІІ. Отношеніе С.-Петербургскаго Сенатскаго Архива отъ 4 марта за № 137:

„Одновременно съ симъ письмомъ препровождается ХІІ томъ сборника „Сенатскій Архивъ“. Въ настоящее время печатается ХІІІ томъ сего сборника и подготовляются описи и алфавитные указатели нѣкоторымъ документамъ ХVІІІ и начала ХІХ вѣковъ. Изданія эти предполагается выпустить въ свѣтъ весною сего года и разослать различнымъ ученымъ учрежденіямъ, изданіямъ и лицамъ, занимающимся русскою исторіей и исторіей русскаго права.

Идя, такимъ образомъ, на встрѣчу интересамъ научныхъ учрежденій и лицъ, занимающихся наукою, пополняя ихъ библиотеки своими изданіями, Сенатскій Архивъ, съ своей стороны, озабоченъ пополненіемъ его собственной библиотеки трудами названныхъ учрежденій и лицъ. Неполнота

библіотеки Архива часто лишаетъ его возможности пользоваться при архивныхъ работахъ весьма цѣнными указаніями специалистовъ и разработанными ими данными, и такимъ образомъ вредно отражается на ходѣ помянутыхъ работъ. Въ виду сего, Сенатскій Архивъ позволяетъ себѣ надѣяться, что Московская Духовная Академія не откажетъ, съ своей стороны, въ пополненіи его библіотеки своими изданіями по русской исторіи и исторіи русскаго права, а равно и имѣющимися въ ея распоряженіи экземплярами диссертаций по симъ предметамъ.

Опредѣлили: Высылать на будущее время въ С.-Петербургскій Сенатскій Архивъ по одному экземпляру докторскихъ и магистерскихъ диссертаций по русской церковной исторіи и исторіи русскаго права.

XIII. Отношеніе Московскаго Математическаго Общества при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ отъ 25 февраля за № 1:

„Въ послѣдствіе отношенія Совѣта Московской Духовной Академіи отъ 22 декабря минувшаго года за № 636, Московское Математическое Общество имѣетъ честь сообщить, что оно въ засѣданіи своемъ 24-го сего февраля постановило выслать Академіи: указатель статей, содержащихся въ первыхъ пятнадцати томахъ Математическаго Сборника, и всѣ томы Математическаго Сборника, начиная съ 16-го, кончая послѣднимъ, вышедшимъ 26-мъ томомъ, а также высылать впредь свои изданія по мѣрѣ ихъ выхода“.

Опредѣлили: Выразить Московскому Математическому Обществу глубокую благодарность Совѣта Академіи за этотъ щедрый даръ академической библіотекѣ.

XIV. Отношеніе Правленія Сызранскаго духовнаго училища отъ 23 января за № 49:

„Правленіе Сызранскаго духовнаго училища имѣетъ честь покорнѣйше просить Совѣтъ Академіи выслать копію съ диплома преподавателя названнаго училища, кандидата богословія *Якова Виноградова*, который окончилъ курсъ въ Московской Академіи въ 1887 году. Подлинный дипломъ Виноградова сгорѣлъ въ архивѣ училища въ стихійный пожаръ, бывший въ гор. Сызрани 5 іюля 1906 года“.

Опредѣлили: Выслать въ Правленіе Сызранскаго духовнаго училища копію диплома на степень кандидата богословія г. преподавателя училища Якова Виноградова.

XV. Отзвъвъ экстраординарнаго профессора Н. Г. Городенскаго о кандидатскомъ сочиненіи дѣйствительнаго студента Академіи *Успенскаго Василія* на тему: „Литературное творчество Гауптмана и его отношеніе къ вопросамъ религіи и морали“:

„Сочиненіе г. Успенскаго содержитъ въ себѣ очень обстоятельную и талантливо написанную характеристику Гауптмана, какъ со стороны чисто литературной, такъ и со стороны идейнаго содержанія. Въ первомъ случаѣ авторъ выясняетъ отличительныя особенности Гауптмановскаго натурализма и символизма, во второмъ излагаетъ отношеніе Гауптмана къ общественнымъ вопросамъ, къ индивидуалистическимъ стремленіямъ эпохи и къ религіозной жизни. Отдѣлъ о религіозныхъ воззрѣніяхъ Гауптмана пріобрѣтаетъ особый интересъ въ виду полной почти неразработанности вопроса въ литературѣ о Гауптманѣ, и нужно признать правильнымъ заключеніе автора, что у Гауптмана, при отсутствіи полной опредѣленности въ воззрѣніяхъ, можно отмѣтить элементы положительнаго отношенія къ религіи. О всей вообще работѣ г. Успенскаго нужно сказать, что она въ одинаковой мѣрѣ дѣлаетъ честь и талантливости, и трудолюбію автора. Онъ внимательно изучилъ и самого Гауптмана, и довольно обширную иностранную литературу о немъ. Но изученіе литературы вопроса не подавило въ немъ самостоятельности сужденія и не сдѣлало его рабомъ чужихъ взглядовъ. Г. Успенскій пишетъ, какъ человѣкъ, хорошо овладѣвшій предметомъ, имѣющій о немъ собственное сужденіе, подсказанное хорошимъ изученіемъ, правильнымъ литературнымъ вкусомъ и критическою чуткостью. Степени кандидата авторъ вполне заслуживаетъ“.—

Справка: 4) Г. Успенскій окончилъ курсъ въ Московскои Духовнои Академіи въ минувшемъ 1908-мъ году съ званіемъ дѣйствительнаго студента Академіи и правомъ на полученіе степени кандидата богословія по представленіи удовлетворительнаго кандидатскаго сочиненія.—2) Въ среднемъ выводѣ по отвѣтамъ и сочиненіямъ за четыре года акаде-

мического курса дѣйствительный студентъ Василій Успенскій имѣеть балль 4^{1/2}.—3) По 81 лит. б п. 10 устава духовныхъ академій 1884 года „присужденіе степени кандидата“ значится въ числѣ дѣлъ Совѣта Академіи, представляемыхъ на утвержденіе Епархіальнаго Преосвященнаго.

Опредѣлили: Ходатайствовать предъ Его Высокопреосвященствомъ объ утвержденіи дѣйствительнаго студента Академіи Василя Успенскаго въ степени кандидата богословія, съ предоставленіемъ ему права при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній.

XVI. Отношеніе Духовнаго Собора Свято-Троицкія Сергіевы Лавры отъ 5 января за № 16:

„Вслѣдствіе отношенія Совѣта Академіи отъ 22 декабря минувшаго года за № 635 касательно уволеннаго студента 1-го курса Академіи Николая Соколова, согласно его прошенія, по болѣзни, при чемъ Совѣтъ предлагаетъ Собору на мѣсто уволеннаго Соколова, пользовавшагося на свое обученіе пособіемъ отъ Лавры, избрать другое лицо изъ числа студентовъ Академіи, Духовнымъ Соборомъ опредѣлено и Его Высокопреосвященство утвердить: такъ какъ: 1) на вспомошествованіе бѣднымъ студентамъ Академіи Лавра не имѣеть обезпеченныхъ стипендій, а дѣлаеть это вспомошествованіе изъ своихъ текущихъ доходовъ, 2-е, доходы эти въ послѣднее время, вслѣдствіе уклоненія отъ церкви многихъ, увлеченныхъ пропагандою безвѣрія, сильно сократились, отъ чего сама Лавра въ настоящее время находится въ стѣсненномъ положеніи и едва можетъ сводить приходъ съ разходомъ, и то лишь при посредствѣ сокращенія расходовъ на братію: то на мѣсто уволеннаго студента 2-го курса Академіи Николая Соколова никого изъ студентовъ Академіи не зачислять.

О чемъ Духовный Соборъ и имѣеть честь увѣдомить Совѣтъ Академіи“.

Опредѣлили: Принять къ свѣдѣнію.

XVII. Прошеніе переведеннаго изъ Кіевской Духовной Академіи студента II курса священника *Александра Никольскаго*:

„Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи освободить меня

отъ подачи третьяго семестроваго сочиненія, которое студенты II курса должны подать за прошлый учебный годъ. Мотивомъ къ подачѣ настоящей моей просьбы служить постановленіе Совѣта Кіевской Духовной Академіи въ 190⁷/₈ учебномъ году, по которому студенты трехъ первыхъ курсовъ Кіевской Академіи должны были подать только два семестровыхъ сочиненія, что мною и было исполнено, когда я состоялъ студентомъ 1-го курса оной Академіи“.

Опредѣлили: Просьбу студента II курса священника Александра Никольскаго отклонить.

XVIII. Прошеніе на имя Преосвященнаго Ректора вольнаго слушателя академическихъ лекцій *іеромонаха Іессея* (Старухина):

„Покорнѣйше прошу Ваше Преосвященство сдѣлать зависящее отъ Васъ распоряженіе выдать мнѣ мои документы“.

Справка: По распоряженію Преосвященнаго Ректора всѣ документы іеромонаха Іессея выданы ему на руки подъ собственноручную росписку 7 марта сего 1909 года.

Опредѣлили: Іеромонаха Іессея (Старухина) исключить изъ списковъ вольнослушателей Академіи.

XIX. а) Докладъ секретаря Совѣта *Н. Д. Встѣхвятскаго*:

„Честь имѣю доложить Совѣту Академіи, что въ настоящее время въ распоряженіи Совѣта имѣются преміи: а) *Митрополита Московскаго Макарія въ 485 рублей*—за лучшіе печатные труды наставниковъ Академіи; б) *Митрополита Московскаго Макарія въ 291 р.*—за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи, и в) *два* преміи *Епископа Курскаго Михаила, по 201 р.* каждая,—за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію“.

б) Представленіе сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора *Н. А. Заозерскаго*:

„Изданный въ истекшемъ 1908 г. новый трудъ профессора *А. П. Голубцова* подъ названіемъ „Чиновники Московскаго Успенскаго Собора и выходы Патріарха Никона“ заслуживаетъ, по моему глубокому убѣжденію, особеннаго вниманія Совѣта Академіи.“

По внѣшнему виду названный трудъ представляетъ книгу въ 23^{1/2} печатныхъ листа большого формата, убористой печати. Наибольшую часть книги составляетъ изданіе текста слѣдующихъ отдѣльныхъ памятниковъ отечественной литургической письменности, объединенныхъ издателемъ общимъ терминомъ: „Чиновники Московскаго Успенскаго собора“:

1. Сказаніе дѣйственныхъ чиновъ святыхъ соборныхъ и апостольскія великія церкви Успенія Пресвятыя Владычицы Приснодѣвы Маріи, матере церквамъ царствующаго града Москвы и всея великія русія.

2. Чиновникъ. Указъ о звону и чину въ постъ великій и въ пятьдесятницу до недѣли всѣхъ святыхъ.

3. Чиновникъ церковный о благовѣстѣ и о звону.

4. Чиновникъ соборный.

5. Книга записная.

Хотя перечисленные памятники по частямъ и въ цѣломъ видѣ были издаваемы въ теченіи прошлаго столѣтія, но безъ достаточнаго критическаго изученія оригиналовъ, безъ надлежащаго историческаго освѣщенія и даже безъ достаточно вѣрнаго и точнаго воспроизведенія текста. Высокая цѣнность разсматриваемаго изданія ихъ проф. А. П. Голубцовымъ состоитъ въ устраненіи всѣхъ этихъ недостатковъ, въ вѣрномъ воспроизведеніи оригиналовъ съ точнымъ соблюденіемъ ихъ орфографіи, основанномъ на тщательномъ изученіи черновыхъ и бѣловыхъ рукописей, въ которыхъ сохранились изданные имъ памятники. Издатель уже приобрѣлъ себѣ почетную извѣстность трудами этого рода и, конечно, только благодаря своей изумительной энергіи и долготѣнному навыку могъ *единолично* въ сравнительно непродолжительное время совершить настоящей трудъ, неуклонно выполняя тѣ же правила и приемы, какихъ держался и въ прежнихъ своихъ изданіяхъ.

Тексту памятниковъ предпослано предисловіе, которое по содержанию своему есть строго научное изслѣдованіе и освѣщеніе изданнаго матеріала. Авторъ отмѣчаетъ характерныя свойства цѣлой массы рукописей, то черновыхъ, то перебѣленныхъ, то тетрадей, то лоскутковъ, или „столпчиковъ“; тщательно изучаетъ замѣтки на поляхъ, сдѣланныя разными почерками, входитъ въ подробныя изысканія археологическія, историческія, хронологическія и стилистическія, и изъ

неупорядоченной массы закопѣлой, закапанной воскомъ бумаги воспроизводитъ живую историческую картину церковнаго чинопослѣдованія, обрядности и орнаментуры въ матерней соборной церкви патріаршаго періода до патріарха Никона включительно. Благодаря изслѣдованіямъ автора, читатель представляетъ ясную и точную хронологическую послѣдовательность изданныхъ памятниковъ, генезисъ ихъ происхожденія и внутреннюю зависимость ихъ одного отъ другого, узнаетъ и имена лицъ, доселѣ неизвѣстныхъ, записывавшихъ чины и порядки службы въ патріаршей церкви (ключари Маркъ и знаменитый протопопъ Иванъ Насѣдка).

Таковы въ общихъ чертахъ свойства разсматриваемой книги г. Голубцова.

Имѣя ихъ въ виду, полагаю, что со стороны Совѣта Академіи было бы долгомъ справедливости присудить проф. А. П. Голубцову полную премію Митрополита Макарія“.

в) Представленіе ординарнаго профессора *С. С. Глаголева*:

„Совѣту предстоитъ обсуждать вопросъ о присужденіи преміи имени м. Макарія за лучшіе труды наставниковъ Академіи. Я считаю своимъ долгомъ обратить вниманіе Совѣта на книгу *М. Д. Муретова* „Эрнестъ Ренанъ и его жизнь Иисуса“ 1908 г. стр. 428. Эта книга представляетъ собою капитальный вкладъ въ православную богословскую науку.

Книга *М. Д. Муретова* апологетическая. Съ нѣкоторыхъ поръ у насъ пытаются совершать походы противъ апологетики, стараясь доказать ея ненужность и бесполезность. Но, конечно, за всякимъ сознательнымъ міровоззрѣніемъ, каково бы оно ни было—атеистическое, пантеистическое или теистическое—стоитъ его апологія или апологетика, т. е. совокупность основаній, почему это міровоззрѣніе принимается тѣми или другими лицами, какъ истинное. Міровоззрѣніе, не имѣющее за собою сознательной или безсознательной апологіи, въ сущности немислимо. Но на самомъ дѣлѣ, когда идутъ противъ апологетики, то руководятся враждою не къ ней, а къ тому, что она защищаетъ, враждою къ христіанству. За всѣмъ тѣмъ разъ создалась атмосфера враждебная дѣлу апологіи, положеніе апологета становится очень труднымъ. Малѣйшіи промахъ, незначительную ошибку ему поставятъ въ неуплатимый *debet* и даже если у него не найдутъ ошибокъ, при-

знаніе за сочиненіемъ отсутствія общеубѣдительности является въ глазахъ многихъ равнымъ признанію его полной бесполезности. Вотъ почему особенно должно привѣтствовать трудъ М. Д-ча, какъ удовлетворяющій тѣмъ преувеличенно строгимъ требованіямъ, которыя предъявляются къ современнымъ апологетическимъ произведеніямъ.

Достоинства его труда велики.

1) *Художественность*. Я отмѣчаю это качество первымъ не какъ важнѣйшее, а какъ въ значительной мѣрѣ обуславливающее успѣхъ разсужденій автора. Вѣдь, чтобы убѣдить, нужно быть выслушаннымъ, а чтобы быть выслушаннымъ, часто требуется быть интереснымъ, увлекательнымъ. Книга М. Д-ча увлекательна. И даже почитатели Ренана должны быть благодарны ему. Онъ изложилъ книгу Ренана, точно и художественно передавая мысли автора, между тѣмъ какъ на русской книжной рынокъ Ренанъ брошенъ въ нѣсколькихъ варварскихъ, явно рассчитанныхъ на спекуляцію переводахъ.

2) *Глубина анализа*. Обычный пріемъ апологета состоитъ въ томъ, что онъ показываетъ ошибочность возраженій противника. М. Д-чъ идетъ далѣе. Онъ ищетъ корней, онъ хочетъ опредѣлить, чѣмъ порождено возраженіе, на какой почвѣ оно возникло. На самомъ дѣлѣ только понявши всю совокупность условій, породившихъ извѣстныя воззрѣнія, можно съ успѣхомъ бороться противъ этихъ воззрѣній. И авторъ мастерски раскрываетъ, что вовсе не наука, не научныя изслѣдованія, а нѣчто совсѣмъ иное болѣе глубокое и сильное породило въ отношеніи къ Евангелію два теченія—Христово и антихристово. И антихристово теченіе не исчезнетъ, если только будутъ показывать, что каждое отдѣльное положеніе его (о неподлинности св. книгъ, о недѣйствительности того или другого чуда) утверждается на ложныхъ основаніяхъ. Нужно, чтобы въ человѣкѣ поколебались нѣкоторыя апріорныя предубѣжденія противъ религіи и ея основныхъ истинъ, тогда будетъ возможно съ его стороны безпристрастное отношеніе къ доводамъ въ защиту христіанства.

3) *Выясненіе сущности православія* (см. особенно стр. 116—127). Съ глубокою основательностію раскрываетъ авторъ, какъ православная вѣра дѣйствительно воспринятая устраняетъ возможность тѣхъ недоразумѣній, которыя имѣютъ

мѣсто въ католицизмѣ, и тѣхъ бесплодныхъ блужданій, которыми характеризуется ученый протестантизмъ и который, имѣя своею задачею создать какую-то научную религію, даютъ вмѣсто религіи пустоту. Съ другой стороны авторъ раскрываетъ, какъ православною вѣрою разумно и ясно объясняются исторія и великое дѣло Христа. Авторъ выясняетъ намъ православное пониманіе преданія, соборности, значеніе Богочеловѣчества.

4) *Научное обоснованіе важнѣйшихъ истинъ христіанства.* Авторъ во своей книгѣ далъ сжатое, но обстоятельное обзорѣніе древнѣйшихъ свидѣтельствъ о Евангеліи и напечаталъ эти свидѣтельства въ подлинномъ видѣ (стр. 345—419). Работающіе по евангельской исагогикѣ необходимо должны будутъ обращаться къ подлежащему труду и всегда будутъ находить въ немъ для себя много цѣннаго.

Рядомъ съ этою громадною историко-филологическою работою авторъ даетъ чрезвычайно цѣнную богословско-философскую апологію чуда. Въ обширномъ (245—339) трактатѣ онъ раскрываетъ намъ, что чудобоязнь порождается и нелѣпымъ и безтолковымъ пониманіемъ чуда и непониманіемъ дѣйствительности. И онъ выясняетъ необходимость чуда для человѣчества.

Я отмѣтилъ далеко не все, что имѣется цѣннаго въ капитальномъ трудѣ проф. Муретова. Совѣту извѣстны талантливость, эрудиція и трудолюбіе ученаго профессора. Я хотѣлъ только сказать, что въ его новой книгѣ эти свойства выступаютъ рѣзко, ярко и выпукло. Книга проф. Муретова будетъ читаться и перечитываться многими. Она будетъ доставлять и эстетическое наслажденіе, и научную и религіозную пользу.

У Совѣта имѣется единственное средство выразить свою благодарность автору за его трудъ—присудить ему премію имени митрополита Макарія, и я не сомнѣваюсь, что эта премія будетъ ему присуждена“.

г) Представленіе ординарнаго профессора *А. А. Спасскаго*: „Въ виду предстоящихъ разсужденій о назначеніи премій Высокопреосвященнаго Макарія, жалуемой за лучшіе труды преподавателей Академіи, долгомъ своимъ считаю указать Совѣту на изслѣдованіе проф. *М. М. Тарьева*: „Жизнь

и учение Христа (Вѣра и жизнь по Евангелію)“, Серг. пос. 1908 г.

Такъ какъ основное содержаніе названнаго изслѣдованія по крайней мѣрѣ въ общихъ своихъ чертахъ знакомо большинству членовъ Совѣта, то я не буду останавливаться на изложеніи его и ограничусь лишь краткимъ перечнемъ главныхъ достоинствъ его.

Сюда принадлежитъ прежде всего 1) *новость постановки самаго вопроса*. Когда авторъ задумывалъ свое изслѣдованіе, предъ нимъ лежала необозримая масса историко-критической и экзегетической литературы, посвященной всестороннему изученію Евангелія, которая, повидимому, исчерпывала всѣ входящіе въ сферу этой научной области вопросы и не оставляла никакого простора для самостоятельнаго труда и свободной, независимой мысли. И авторъ высоко цѣнитъ эту предлежавшую ему литературу: „въ ней,—заявляетъ онъ,—превосходно построена историческая перспектива христіанскихъ источниковъ, рельефно выработана историческая основа, историческій фонъ христіанскаго ученія, и она необходима для научнаго пониманія христіанства“ (стр. 11). Она,—эта литература,—дѣйствительно, и является той подпочвой, на которой зиждется его работа, но, при всей своей научной цѣнности, она не удовлетворяетъ собой автора, такъ какъ она „не въ состояніи воспроизвести самое ученіе христіанства, возсоздать христіанскую идею. Научно-критическое богословіе можетъ только возстановить лишь внѣшнюю сторону литературной исторіи евангельскихъ памятниковъ, но идейный смыслъ содержанія ихъ остается ему недоступнымъ“. Въ противоположность внѣшнимъ приемамъ изученія, господствующимъ въ научно-критическомъ богословіи, авторъ выдвигаетъ свой принципъ религіознаго познанія, — *принципъ внутренняго опыта*. „Евангеліе,—формулируетъ онъ свой взглядъ,—не логическое измышленіе, которое можно было бы исчерпать при помощи внѣшнихъ схоластическихъ способовъ изученія, а фактъ религіознаго творчества, допускающій возможность опытнаго, живого отношенія къ себѣ“. Христіанская религія, какъ актъ внутренняго опыта, не подлежитъ вообще внѣшнимъ приемамъ изслѣдованія: она можетъ постигаться при помощи *внутренняго* средства между изслѣдователемъ и изучаемымъ объектомъ; здѣсь требуется

нѣкоторая конгеніальность мыслей и чувствъ,—такъ сказать, внутреннее переживаніе тѣхъ фактовъ и идей, въ какихъ выразилось евангельское благовѣстіе. Всѣмъ этимъ намъчается уже и та цѣль, какую ставитъ себѣ М. М. Тарвевъ въ своемъ изслѣдованіи, именно: *понять Евангеліе изъ глубины его собственнаго содержанія*, независимо отъ гносеологическихъ и апологетическихъ тенденцій. „дать внутренне-стройное, имманентно-убѣдительное воспроизведеніе историческаго ученія Христа (стр. 15), которое исключительной оригинальностью своего религіозно-этического жизнепониманія, абсолютностью своего содержанія, носящими ясную печать своего божественнаго происхожденія, само апологетизировало бы себя и свидѣтельствовало бы о своей безусловной объективности“. Такова задача, осуществленію которой авторъ посвящаетъ свое изслѣдованіе; и ей, —этой задачей,—опредѣляется внѣшній характеръ и объемъ содержанія его. Здѣсь мы не встрѣчаемъ, во-первыхъ, обычнаго признака ученыхъ работъ, т. н. эрудиціи, состоящей въ массѣ цитатъ на соотвѣтствующія пособія; авторъ признаетъ значеніе лишь за источниками; во-вторыхъ, хотя въ заглавіи сочиненія и значится жизнь Христа, но при указанной точкѣ зрѣнія, было-бы неосновательно требовать отъ автора хронологически-последовательнаго изложенія всѣхъ событій евангельской исторіи; жизнь Христа здѣсь понимается и рассматривается лишь какъ проявленіе того новаго, оригинальнаго жизнепониманія, памятникомъ котораго служить Евангеліе, и вслѣдствіе этого внѣшніе факты Его жизни естественно отступаютъ на второй планъ.

2) Новости постановки вопроса соотвѣтствуетъ и *безусловная оригинальность* отвѣта, составляющая содержаніе второй части сочиненія, занимающагося изученіемъ Евангелія. То величайшее и единственное, что даетъ человѣчеству Евангеліе—это глубочайшій личный опытъ религіозной жизни, явленной во Христвѣ, введшій въ религіозную исторію человечества новую струю, затронувшій въ человѣческой душѣ никогда не звучавшіе звуки. Евангеліе есть новое откровеніе духовной жизни, въ которомъ духовно-религіозное благо стало для человѣка внутренней дѣйствительностью, какъ благо самодовлѣющее, безусловное и безграничное. Въ блаженномъ чувствѣ абсолютной любви и безграничнаго само-

отверженія Богъ вселился въ сердце человѣческое, воплотился въ немъ,—говоря иначе, вмѣстѣ съ опытомъ поглощающаго блаженства, человѣкъ вступилъ въ самую дѣйствительность божественной абсолютной жизни, поднялся на высоту, на которой исчезла для него всякая условность (168). Евангеліе не теорія, не система метафизически-отвлеченныхъ истинъ, а величайшій фактъ чисто религіознаго характера, „историческое народженіе религіозной жизни, которая нынѣ составляетъ неотъемлемое достояніе всего человѣчества“—вотъ основной тезисъ, устанавливаемый изслѣдованіемъ М. М. Тарѣва и часто ускользающій изъ глазъ современнаго экзегетическаго богословія, разбивающагося на филологическія и историческія мелочи. Поставленный во главу угла всего пониманія жизни и ученія Христа, этотъ тезисъ предоставилъ автору полную возможность,—впервые въ исторіи библейскаго богословія не только русскаго, но и западно-европейскаго,—понять Евангеліе именно изъ глубины его содержанія, раскрыть христіанство, какъ несравнимый, абсолютно-совершенный по своимъ свойствамъ и безусловно-единственный по своему фактическому проявленію въ жизни религіозный опытъ. Два факта религіознаго опыта, явленнаго во Христѣ, выдѣляются на первый планъ: это—проявленіе въ Немъ абсолютно-божественной любви, ставшей въ Немъ Самою жизнію и возвысившей людей въ абсолютно новыя, основанныя на любви и всепрощеніи связи, и благовѣстіе Богоотчества и богосыновства, поставившее христіанина въ безусловно свободныя, чуждыя всякихъ средствъ отношенія къ своему Отцу—Богу. Съ этой точки зрѣнія божественной любви и богосыновства анализируются и всѣ другія развѣтвленія евангельскаго благовѣстія, раскрывающіяся въ понятіяхъ (точнѣе—въ жизнепониманіи) вѣры, духовной праведности, грѣха, царства Божія и эсхатологіи, при чемъ общій строй этихъ идей соединяется въ неразрывную связь и внутреннее содержаніе евангельскаго благовѣстія воспроизводится въ возможной и доступной полнотѣ. Въ центрѣ этого религіознаго опыта, даннаго въ Евангеліи, стоитъ личность Христа, къ которой авторъ относится съ чисто религіознымъ, глубокимъ восторгомъ. „Его любовь была явленіемъ нечеловѣческимъ, имѣла характеръ абсолютности, безпредѣльности, и Его опытъ былъ совершенною

противоположностью тому, чѣмъ обыкновенно живетъ чело-вѣческое сердце (169). Его дѣло, какъ дѣло Сына Божія, реально обладающаго благомъ вѣчной жизни, состояло въ томъ, чтобы передать людямъ свою вѣчную жизнь, оживотворить богосыновнимъ сознаниемъ, даровать имъ богосыновнюю свободу, сдѣлать ихъ сынами Отца небеснаго. Онъ не опирался ни на какое внѣшнее свидѣтельство, кромѣ свидѣтельства Своего Отца, и потому одинъ обладалъ религіозной истиной и владѣлъ ею всецѣло (301). Онъ не только имѣетъ въ Себѣ Отца, но и рождается отъ Него, такъ что является Сыномъ Божиимъ отъ природы (176).

3) Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ полнота, идейная цѣльность, научная объективность и оригинальность изслѣдованія М. М. Тарѣева. Два еще пункта, важныхъ для пониманія христіанскаго благовѣстія и разясняемыхъ въ его сочиненіи, слѣдуетъ отмѣтить, хотя и въ краткихъ словахъ: а) это во-первыхъ отношеніе Евангелія къ ветхозавѣтному религіозному жизнепониманію, разбору котораго онъ отдаетъ почти треть своего труда. Я отмѣчу лишь общій выводъ: „если не всѣ тематическіе отдѣлы, то всѣ изреченія и во всякомъ случаѣ всѣ термины евангельскія были знакомы слушателямъ Христа изъ ветхаго завѣта (156)“—это съ одной стороны; съ другой „новизна Евангелія не въ словѣ, не въ одномъ словѣ, а въ реальныхъ, небывалыхъ переживаніяхъ, начавшихся съ Христа (295)“, — блестящимъ доказательствомъ чего и служатъ послѣдующія страницы сочиненія. в) Во-вторыхъ, вполне правильная и обоснованная точка зрѣнія, устанавливаемая въ изслѣдованіи на отношеніе Евангелія къ фактической жизни человѣчества. „Христіанство есть принципъ личной жизни, а не законъ общественнаго строя (217)“—въ этомъ положеніи, подробно развиваемомъ у автора,—вся разгадка и окончательное разрѣшеніе тѣхъ антиномій и компромиссовъ, въ какія на первый взглядъ ставитъ себя благовѣстіе Христа къ историческимъ условіямъ человѣческаго быта, къ государству, семьѣ, личному счастью. „По евангельскому ученію,—вотъ его выводъ,—все естественное, гуманитарное разрѣшается, всѣ естественныя блага христіанину дозволяются, „все ему позволено (260)“, и если, по воззрѣнію Евангелія, жизнь есть благо, и Самъ Богъ по-даетъ средства къ жизни, то является вполне естественной

и законной радостью жизни (261—262). Однако, съ точки зрѣнія евангельской всё эти естественныя блага не образуютъ еще высшей святости, послѣдней божественной воли. Евангеліе знаетъ болѣе высокія блага, блага вѣчной жизни и царствія Божія (269), и въ тотъ моментъ религіозной жизни христіанина, когда эти блага требуютъ отреченія отъ установившихся условій жизни, какъ бы они ни были невинны и естественны сами по себѣ, христіанинъ обязанъ отказаться отъ нихъ, даже до пожертвованія жизнью.

Было бы излишне добавлять, что присужденіе со стороны Совѣта преміи Высокопреосвященнаго Макарія окажется только въздаемъ за понесенные авторомъ труды, содержаніе и достоинства которыхъ отмѣчены здѣсь лишь въ слишкомъ блѣдныхъ и отрывочныхъ краскахъ“.

д) Представленіе заслуженнаго ординарнаго профессора *М. Д. Муретова*:

„Представляя на премію Преосвященнаго Михаила третій, четвертый и пятый выпускъ труда проф. *Г. А. Воскресенскаго*: „Древне-славянскій Апостоль: посланія св. Ап. Павла къ Коринѳянамъ второе, Галатамъ и Ефесянамъ, 1908“, считаю достаточнымъ указать лишь на то, что общія качества труда, уже извѣстныя Совѣту по прежнимъ выпускамъ („Евангеліе отъ Марка“, „Посланіе къ Римлянамъ“ и „Первое посланіе къ Коринѳянамъ“), именно: обширность изученія рукописныхъ текстовъ, тщательность изданія и настоятельная нужда въ немъ для исторіи и sprawy церковно-славянскаго текста Новаго Завѣта,—даютъ, по моему мнѣнію, проф. Воскресенскому неоспоримое право на полученіе преміи Преосвященнаго Михаила въ настоящемъ году“.

Справка: 1) Правиль о присужденіи премій *Митрополита Московскаго Макарія*, утвержденныхъ Святѣйшимъ Синодомъ,—а) п. п. 1—6: „Проценты раздѣляются на четыре преміи, первая въ 500 р. (нынѣ 485 р.), за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, вторая въ 300 р. (нынѣ въ 291 р.), за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Московской Духовной Академіи, третья и четвертая по 100 р. (нынѣ по 97 р.) за лучшія сочиненія студентовъ Московской Духовной Академіи, написанныя ими въ теченіе первыхъ курсовъ.—Первой преміи удостоиваются

сочиненія, составляющія значительное приобрѣтеніе или для науки вообще, или по крайней мѣрѣ для русской научной литературы, которыя могутъ быть или оригинальными изслѣдованіями, или переводами, если только для перевода избраны сочиненія важныя для науки и немалыя по объему, преимущественно сочиненія, написанныя на древнихъ языкахъ.—Въ случаѣ, если въ какомъ-нибудь году не окажется сочиненія, вполне удовлетворяющаго указаннымъ въ предыдущемъ § условіямъ, премія въ 500 р. можетъ быть раздѣлена на двѣ по 250 руб., которыя выдаются также за печатные труды, имѣющіе значительное научное достоинство, но менѣе капитальные.—Второй преміи удостоиваются лучшія изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, если эта степень получена въ Московской Духовной Академіи, и если авторъ сочиненія окончилъ курсъ въ сей-же Академіи.—Воспитанники Академіи, получившіе за свое кандидатское сочиненіе премію Преосвященнаго Митрополита Литовскаго Іосифа (въ 165 р.) или премію протодіакона Невоструева (въ 200 р.), уже не имѣютъ права на полученіе преміи Преосвященнаго Митрополита Макарія за свое магистерское сочиненіе, если оно составляетъ только передѣлку кандидатскаго.—Сочиненія, написанныя на степень магистра, хотя бы авторы ихъ состояли въ числѣ наставниковъ Московской Духовной Академіи, не могутъ быть представляемы на первую премію, ни полную, ни половинную, а только на вторую; а сочиненія, написанныя ими на степень доктора, могутъ “.

б) п. п. 10—11: „Ежегодно въ январскомъ засѣданіи Совѣта каждый членъ Совѣта можетъ предложить, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ наставниками Московской Духовной Академіи въ прошедшемъ году, онъ считаетъ заслуживающимъ преміи, при чемъ онъ долженъ представить письменное указаніе главнѣйшихъ достоинствъ сочиненія.—Въ томъ же засѣданіи рѣшается вопросъ, какія изъ сочиненій, за которыя въ прошедшемъ году авторы ихъ удостоены въ Московской Духовной Академіи степени магистра, могутъ быть, сообразно съ изложенными въ 4 и 5 §§ условіями, допущены къ соисканію преміи“.

в) п. п. 13—15: „Черезъ два мѣсяца послѣ январскаго засѣданія Совѣта, въ мартовскомъ засѣданіи происходитъ обсужденіе достоинства представленныхъ на премію сочиненій и присужденіе самыхъ премій.— Если

въ распоряженіи Совѣта есть сумма для того, чтобы назначить кромѣ полной преміи половинную, то Совѣтъ можетъ въ томъ же засѣданіи назначить за сочиненіе второе по достоинству половинную премію.—Въ томъ же засѣданіи Совѣта рѣшается вопросъ, какое изъ сочиненій, написанныхъ на степень магистра, заслуживаетъ премію“. — 2) Изъ бывшихъ воспитанниковъ Московской Духовной Академіи утверждены въ минувшемъ году въ степени магистра богословія исправляющіе должность доцента Академіи: а) *А. П. Орловъ*—за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Тринитарныя воззрѣнія Иларія Пиктавійскаго. Историко - догматическое изслѣдованіе“. Сергіевъ Посадъ, 1908 г., и б) *И. М. Громогласовъ*—за сочиненіе подъ заглавіемъ: „Опредѣленія брака въ Кормчей и значеніе ихъ при изслѣдованіи вопроса о формѣ христіанскаго бракозаключенія. Выпускъ I. Определеніе брака въ 48 гл. Кормчей (Градск. Зак. гр. 4, гл. 1)“ Сергіевъ Посадъ, 1908 г.—Изъ нихъ первый за свое кандидатское сочиненіе на тему: „Ученіе Иларія Пиктавійскаго о Троицѣ“ получилъ, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 18 ноября 1904 года, премію протоіерея А. М. Иванцова-Платонова въ 160 р.; второму—за кандидатское сочиненіе на тему: „Слѣдуетъ ли совершать священнодѣйствіе брака надъ лицами, обращающимися изъ раскола и жившими до обращенія въ супружествѣ? (Опытъ рѣшенія вопроса на основаніи догматико-каноническаго ученія православной церкви о существѣ христіанскаго брака и формѣ его совершенія),“—назначена была, по опредѣленію Совѣта Академіи отъ 28 января 1894 года, премія Митрополита Литовскаго Іосифа въ 165 рублей.—3) Положенія о преміи *Превосвященнаго Михаила, Епископа Курскаго*, утвержденнаго Святейшимъ Синодомъ, — а) §§ 3—7: „Премію назначаетъ Совѣтъ Московской Духовной Академіи, съ утвержденія Его Высокопреосвященства Митрополита Московскаго.—На соисканіе преміи поступаютъ согласно завѣщанію печатныя сочиненія по Священному Писанію.—На соисканіе преміи поступаютъ только тѣ сочиненія, которыя принадлежатъ или преподавателямъ Московской Духовной Академіи, или лицамъ, получившимъ воспитаніе въ сей Академіи.—Премію можетъ быть удостоено сочиненіе и въ томъ случаѣ, если авторъ получилъ за свое произведеніе какую-либо другую меньшую премію, если же

онъ получилъ премію большую, то его сочиненіе не можетъ быть удостоено преміи Епископа Михаила.—Сочиненія поступаютъ на соисканіе преміи только слѣдующимъ порядкомъ: ежегодно, ко времени январскаго засѣданія Совѣта, каждый преподаватель Академіи можетъ внести въ Совѣтъ, чрезъ Предсѣдателя Совѣта, предложеніе, какое изъ сочиненій, напечатанныхъ въ прошедшемъ году, онъ находитъ заслуживающимъ преміи, при чемъ представляетъ письменное указаніе достоинствъ сочиненія“. б) §§ 9—11: „Въ мартовскомъ засѣданіи Совѣта происходитъ обсужденіе достоинства сочиненій, представленныхъ на соисканіе преміи, и присужденіе преміи.—Если въ какомъ-нибудь году не будетъ предложено сочиненій на соисканіе преміи, или если предложенныя сочиненія не будутъ удостоены преміи, то премія отлагается до будущаго года.—Премія, оставшаяся отъ предыдущаго года, можетъ быть соединена, по усмотрѣнію Совѣта, съ премією текущаго года и составившаяся изъ двухъ премій сумма въ 500 рублей (нынѣ въ 402 р.), можетъ быть присуждена за одно сочиненіе, но болѣе 500 рублей не можетъ быть назначено въ премію за сочиненіе“.

Опредѣлили: 1) Труды заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *М. Д. Муретова* („Эрнестъ Ренапъ и его „Жизнь Иисуса“), ординарнаго профессора *А. П. Голубцова* („Чиновники Московскаго Успенскаго Собора и выходы патріарха Никона“) и ординарнаго профессора *М. М. Тарпева* („Жизнь и ученіе Христа. Вѣра и жизнь по Евангелію“) имѣть въ виду при присужденіи въ апрѣльскомъ собраніи Совѣта Академіи преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшіе печатные труды наставниковъ Московской Духовной Академіи, а трудъ г. Почетнаго Члена Академіи—заслуженнаго ординарнаго профессора (въ отставку) *Гр. А. Воскресенскаго* („Древне-славянскій Апостолъ: посланія св. Ап. Павла къ Коринѳянамъ второе, Галатамъ и Ефесѳянамъ“) — при назначеніи въ томъ-же собраніи Совѣта Академіи преміи Епископа Курскаго Михаила за лучшіе печатные труды наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по Священному Писанію.—2) Диссертациі доцента Академіи *А. П. Орлова* и и. д. доцента *И. М. Громогласова* допустить къ соисканію преміи Митрополита Московскаго Макарія за лучшія магистерскія сочиненія воспитанниковъ Академіи.

XX. Разсуждали—о вызовѣ воспитанниковъ духовныхъ семинарій въ составъ новаго (LXVIII) академическаго курса.

Справка: 1) § 109 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ академіи предѣ началомъ академическаго года, по расчисленіи, сколько изъ какой семинаріи предполагается нужнымъ вызвать лучшихъ воспитанниковъ въ составъ новаго академическаго курса, представляетъ, въ опредѣленномъ по § 81 порядкѣ, Святейшему Синоду о вызовѣ таковыхъ въ академію и вмѣстѣ съ симъ объявляетъ объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ академію, для желающихъ поступить въ оную“.—2) По опредѣленію Святейшаго Синода отъ 4 мая—3 іюня 1887 года для каждаго курса академіи положено 30 казенныхъ вакансій“.

Опредѣлили: 1) Представить, установленнымъ порядкомъ, Святейшему Синоду о вызовѣ на казенный счетъ въ составъ новаго академическаго курса 20-ти лучшихъ воспитанниковъ духовныхъ семинарій, по усмотрѣнію Святейшаго Синода, съ предоставленіемъ остальныхъ 10-ти казеннокоштныхъ вакансій волонтерамъ.—2) Объ имѣющемъ быть приѣмѣ въ Академію для желающихъ поступить въ оную напечатать объявленіе въ „Церковныхъ Вѣдомостяхъ, издаваемыхъ при Святейшемъ Синодѣ“ и академическомъ журналѣ „Богословскій Вѣстникъ“.

На семь журналѣ резолюція Его Высокопреосвященства: „1909 г. Апр. 2. По ст. III. Магистръ богословія Громогласовъ утверждается въ должности доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола. По ст. V. Войти съ представленіемъ въ Св. Синодъ. Прочее смотрѣно и утверждается“.—

21 апрѣля 1909 года.

№ 2.

Присутствовали, подъ предсѣдательствомъ Ректора Академіи Евдокима, Епископа Волоколамскаго, Инспекторъ Академіи—и. д. ординарнаго профессора А. П. Шостынь, заслуженные ординарные профессора—А. Д. Бѣляевъ, Н. А. Заозерскій (сверхштатный) и М. Д. Муретовъ; ординарные профессора—А. П. Голубцовъ, С. С. Глаголевъ и А. А. Спас-

скій; экстраординарные профессора—П. П. Соколовъ, И. В. Поповъ, Н. Г. Городенскій, С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій.—Отсутствовали ординарные профессора А. И. Введенскій и М. М. Таръевъ.

Слушали: I. Сданный Его Высокопреосвященствомъ съ надписью: „1909 г. Апр. 11. Въ Совѣтъ Московской Духовной Академіи къ исполненію“—указъ на имя Его Высокопреосвященства изъ Святѣйшаго Синода отъ 10 апрѣля за № 4547:

„По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: докладъ Синодальной Канцеляріи (по 1 Отдѣленію) о недостаточности представляемаго въ Святѣйшій Синодъ Совѣтами духовныхъ академій количества (10) магистерскихъ и докторскихъ диссертаций, для снабженія оными членовъ и присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ. И, по справкѣ, приказали: Въ виду того, что представляемыхъ изъ духовныхъ академій въ Святѣйшій Синодъ, по постановленію его отъ 19—30 Апрѣля 1900 года за № 1557-мъ, десяти экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций недостаточно по числу наличныхъ членовъ и присутствующихъ въ Святѣйшемъ Синодѣ, коимъ диссертации эти вручаются, Святѣйшій Синодъ опредѣляетъ: предписать Совѣтамъ духовныхъ академій впредь при возбужденіи ходатайствъ чрезъ мѣстныхъ епархіальныхъ Преосвященныхъ объ утвержденіи въ ученыхъ богословскихъ степеняхъ магистра и доктора представлять въ Святѣйшій Синодъ *по пятнадцати экземпляровъ сочиненій*, постушившхъ на соисканіе означенныхъ ученыхъ степеней; о чемъ и послать Вашему Преосвященству указъ“.

Опредѣлили: 1) Указъ Святѣйшаго Синода принять къ исполненію.—2) На будущее время требовать отъ ищущихъ степени магистра богословія и доктора представленія въ Совѣтъ Академіи 65-ти экземпляровъ напечатанной диссертации (вмѣсто 60-ти экземпляровъ, представляемыхъ нынѣ согласно § 32 „Положенія объ испытаніяхъ на ученія степени“ и опредѣленію Совѣта Академіи отъ 30 мая 1900 года).

II. Резолюцію Его Высокопреосвященства, послѣдовавшую на журналѣ собранія Совѣта Академіи отъ 12 марта, № 1: „1909 г. Апр. 2. По ст. III. Магистръ богословія Громо-

гласовъ утверждается въ должности доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола. По ст. V. Войти съ представленіемъ въ Св. Синодъ. Прочее смотрѣно и утверждается“.

По заслушаніи резолюціи Его Высокопреосвященства объ утвержденіи и. д. доцента И. М. Громогласова въ должности доцента Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола, членомъ Совѣта—сверхштатнымъ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ *Н. А. Заозерскимъ* внесено было словесное предложеніе относительно избранія доцента *И. М. Громогласова* на одну изъ свободныхъ вакансій экстраординарнаго профессора.—Къ предложенію этому присоединились еще пять членовъ Совѣта—ординарный профессоръ *А. П. Голубцовъ*, экстраординарные профессора—*П. П. Соколовъ*, *И. В. Поповъ*, *С. И. Смирновъ* и *Н. Г. Городенскій*, причемъ послѣдній высказалъ мнѣніе о необходимости принять мѣры къ замѣщенію всѣхъ четырехъ, нынѣ свободныхъ въ Академіи, вакансій экстраординарнаго профессора, назвавъ въ качествѣ вполне достойныхъ и правоспособныхъ кандидатовъ на оныя (кромѣ доцента *И. М. Громогласова*)—и. д. доцента Академіи по кафедрѣ греческаго языка и его словесности *Д. Г. Коновалова*, доцента по кафедрѣ русской гражданской исторіи *М. М. Богословскаго* и доцента по кафедрѣ исторіи и разбора западныхъ исповѣданій *А. П. Орлова*. Предложеніе проф. *Н. Г. Городенскаго* нѣкоторыми членами Совѣта было поддержано во всемъ его объемѣ, нѣкоторыми же—лишь по отношенію къ доцентамъ *М. М. Богословскому* и *А. П. Орлову*, въ виду категорическаго заявленія Преосвященнаго Предсѣдателя Совѣта о томъ, что онъ, не возражая противъ обсужденія кандидатуры доцентовъ *М. М. Богословскаго* и *А. П. Орлова*, не имѣетъ возможности поставить на обсужденіе вопроса объ избраніи на вакансіи экстраординарнаго профессора доцента *И. М. Громогласова* и и. д. доцента *Д. Г. Коновалова*. Послѣ этого г.г. члены Совѣта, настаивавшіе на избраніи послѣднихъ, не поддержали предложенія о замѣщеніи вакантныхъ экстраординатуръ кандидатами, допущенными къ баллотировкѣ Преосвященнымъ Ректоромъ, и Совѣтъ перешелъ къ обсужденію очередныхъ дѣлъ.

Опредѣлили: Резолюцію Его Высокопреосвященства принять къ свѣдѣнію.

III. Вѣдомость Преосвященнаго Ректора Академіи о пропущенныхъ наставниками Академіи лекціяхъ въ *мартъ* мѣсяцѣ текущаго 1909 года, изъ которой видно, что—

а) *по болѣзни*: экстраординарный профессоръ П. П. Соколовъ опустилъ 12 лекцій, исправляющіе должность доцента и лекторы новыхъ языковъ И. М. Громогласовъ и Д. Г. Коноваловъ—по 8 лекцій, экстраординарные профессора С. И. Смирновъ и А. И. Покровскій—по 4 лекціи, исправляющіе должность доцента—Н. Л. Туницкій, священникъ Д. В. Рождественскій и Ѳ. М. Россейкинъ—по 2 лекціи.

б) *по служебнымъ обязанностямъ*: ординарный профессоръ А. И. Введенскій—6 лекцій.

в) *по домашнимъ обстоятельствамъ*: и. д. доцента Е. А. Воронцовъ—8 лекцій, сверхштатный заслуженный ординарный профессоръ Н. А. Заозерскій—2 лекціи.

Опредѣлили: Вѣдомость внести въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ.

IV. Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи:

„Согласно § 91 устава духовныхъ академій: „Совѣтъ назначаетъ ежегодно день для торжественнаго собранія академіи, въ которомъ, сверхъ чтенія отчета, раздаются студентамъ награды и предоставляется преподавателямъ произносить рѣчи“. Въ виду сего считаю долгомъ предложить Совѣту озаботиться избраніемъ изъ числа наставниковъ Академіи лица, на которое возложено будетъ составленіе рѣчи къ 1-му октября сего 1909 года—дню воспоминанія объ основаніи Московской Духовной Академіи и храмоваго академическаго праздника, обычно соединяемому съ торжественнымъ годичнымъ актомъ Академіи“.

Опредѣлили: Составленіе рѣчи ко дню торжественнаго собранія Академіи 1-го октября 1909 года поручить г. доценту Академіи по кафедрѣ исторіи и обличенія русскаго раскола *И. М. Громогласову*.

V. Отзывъ о сочиненіи преподавателя Псковской духовной семинаріи, кандидата богословія, *Николая Серебрянскаго* подъ заглавіемъ: „Очерки по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ съ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монаше-

ства“. М. 1908 г. (стр. IV+580+VI), представленномъ на соисканіе степени магистра богословія:

а) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ русской церковной исторіи *С. И. Смирнова*:

„Г. Серебрянскій такъ опредѣляетъ задачу своего труда: „представить по возможности обстоятельное и отчетливое разъясненіе основныхъ вопросовъ по внутренней исторіи Псковскаго монастыря и рассмотреть эти вопросы въ связи съ тѣми направленіями въ русской монастырской жизни, которыя хронологически совпадаютъ съ описываемыми событіями изъ жизни монастыря Псковскаго, и въ связи съ общими условіями Псковской церковной и общественной жизни“ (Предисл. I). Но такъ какъ источники для исторіи нашего древняго монастыря, въ частности монастыря Псковскаго, или не изданы или изданы часто неудовлетворительно и въ большей части недостаточно изучены, то нашему автору для выполненія своей задачи пришлось еще много потрудиться надъ розысками и разработкой нужнаго ему матеріала. Онъ обратился къ рукописямъ, не пожалѣлъ труда и силъ, и достигъ счастливыхъ результатовъ. Авторъ сдѣлалъ нѣсколько открытій въ области древне-русской агиографической и аскетической письменности: нашелъ первоначальную редакцію житія преп. Никандра Пустынника, житіе Серапіона, ученика преп. Евфросина, правда не очень цѣнное, посланіе инока Корнилія Снѣтогорскаго, наконецъ чрезвычайно любопытный памятникъ, появившійся въ монастырѣ преп. Павла Обнорскаго, „Преданіе нѣкоего старца ученикомъ своимъ о иноческомъ жителствѣ и о правилѣ келейномъ“. Свои матеріалы, вновь открытые или извѣстные и ранѣе, но неизданные, авторъ помѣщаетъ въ приложенияхъ къ своему изслѣдованію (стр. 508—580). Такихъ приложенийъ у г. Серебрянскаго 13 №№; упомянемъ наиболѣе цѣнные: 1) Иноческій уставъ преп. Евфросина. 2) Посланіе Корнилія, инока Снѣтныя горы. 3) Проложная редакція житія преп. Саввы Крыпецкаго. 4) Первоначальная редакція житія Никандра Псковскаго. 5) Повѣсть о началѣ (Псково)-Печерскаго монастыря. 6) Повѣсть о явленіи Святогорскихъ иконъ. 7). Преданіе нѣкоего старца (по ркп. XVII в. Тверскаго Археол. Муз. №²¹²₃₀₇₇). Нѣкоторые изъ этихъ

памятниковъ изданы были нашимъ авторомъ и ранѣе: Уставъ преп. Евфросина въ Пск. Еп. Вѣдом. 1902 г., Послание Корнилія, проложная редакція житія Саввы и первоначальная редакція житія Никандра въ Памятникахъ Древней Письменности. Нужно пожалѣть, что въ своихъ приложеніяхъ г. Серебрянскій не напечаталъ памятникъ, которому болѣе другихъ удѣляетъ вниманія въ своей книгѣ— первую редакцію житія преп. Евфросина Псковскаго по единственно извѣстной пока ркп. XVI в. собранія Ундольскаго № 306. Впрочемъ этотъ источникъ, цѣнный для исторіи др.-русской религіозной мысли, нашъ авторъ печатаетъ въ Памятникахъ Древней Письменности.

Весь матеріалъ, подлежавшій обработкѣ въ изслѣдованіи, авторъ подвергъ очень детальной, внимательной и вполне самостоятельной критикѣ, которая разрослась у него въ обширное Введеніе (стр. 1—207). Здѣсь же онъ помѣщаетъ критическій обзоръ литературы о Псковскомъ монашествѣ, недостаточность и недостатки которой восполняетъ своимъ изслѣдованіемъ.

Самые Очерки содержатъ слѣдующее: I. Начальная исторія монашества Псковскаго. Монастыри городскіе. II. Исторія монашества пустыннаго. Псковскіе пустынножители: преподобные Евфросинъ, Савва Крыпецкій и Никандръ. Монастыри, основанные иноками пустынножителями. III. Возобновленіе кievскаго вліянія на мѣстную монастырскую жизнь: исторія Псковско-Печерскаго монастыря. Дальнѣйшая исторія монастырской жизни отъ присоединенія Пскова къ Москвѣ (1510 г.) и до учрежденія въ немъ самостоятельной епархіи (1589). Начальная исторія Святогорскаго Успенскаго монастыря. IV. Изъ исторіи монастырскаго богослуженія. V. Хозяйственный бытъ псковскихъ монастырей. VI. Общіе выводы изъ изслѣдованія и дополнительныя замѣчанія.

Главное достоинство разсматриваемаго труда состоитъ въ указанныхъ открытіяхъ новыхъ источниковъ, а также въ тщательномъ обслѣдованіи и ихъ и извѣстныхъ ранѣе. За то и другое будутъ благодарны автору не только любители мѣстной Псковской старины, но и вообще русскіе историки. Детально изучены тексты житій преп. Саввы и Никандра, а такой важный памятникъ какъ житіе преп. Евфросина въ двухъ редакціяхъ разобранъ въ обширномъ трактатѣ и съ

тою обстоятельностью, какой заслуживаетъ. Вслѣдъ за В. О. Ключевскимъ г. Серебрянскій признаетъ достовѣрность участія преп. Евфросина въ спорѣ объ аллилуи и оспариваетъ противоположное мнѣніе, наиболѣе солидно обоснованное Голубинскимъ въ его кн. „Къ нашей полемикѣ съ старообрядцами“. Нельзя сказать, чтобы автору удалось окончательно выяснитъ этотъ трудный вопросъ и написать свой разборъ Евфросинова житія съ непрерываемою убѣдительностью. Но его трудъ имѣетъ свою цѣну даже и въ такомъ случаѣ, если мы будемъ на него смотрѣть какъ на попытку исчерпать всѣ аргументы въ пользу достовѣрности житійнаго рассказа о спорахъ. Авторъ самостоятельно переизучилъ всѣ извѣстные матеріалы по вопросу, сумѣлъ сдѣлать не мало мѣткихъ наблюденій, высказать рядъ дѣльныхъ замѣчаній, съ которыми обязаны будутъ считаться послѣдующіе ученые, напр. г. Серебрянскій справедливо разъясняетъ (стр. 505) ошибочность предположенія Голубинскаго, что посланіе Аванасія къ митрополиту (вѣроятно Іонѣ—по ркп. Б—ки гр. Уварова № 512/366 нач. XVI в.) принадлежитъ ктитору Аванасію и имѣетъ прямое отношеніе къ спорамъ объ аллилуи.

Очерки по исторіи Псковскаго монашества интересны и цѣнны, особенно три первые и пятый. Очень стройно и связно на основаніи критически изученнаго матеріала изложенъ ходъ развитія Псковскаго монашества въ его главныхъ формахъ—городскаго, пустынножительнаго киновитскаго и пустынножительнаго отшельническаго. Внимательно пересмотрѣвъ исторію Псковскаго монашества, г. Серебрянскій внесъ не мало поправокъ къ утвердившимся въ научной литературѣ мнѣніямъ, съ успѣхомъ выяснилъ трудные и запутанные вопросы, живо описалъ явленія, лишь отрывочно извѣстныя изъ исторіи монашества другихъ мѣстностей. Такъ, онъ установилъ новую дату возникновенія перваго монастыря во Псковѣ Спасо-Мирожскаго (215—216 стр.), сдѣлалъ остроумную догадку къ разъясненію запутанной хронологіи въ житіи Никандра Пустынножителя (324—326 стр.), написалъ рядъ страницъ, интересныхъ вообще для быта др.-русскаго монашества, относительно вкладничества въ Псковскихъ монастыряхъ (226—234, 236).

Картина внутренней жизни древняго Псковскаго монаше-

ства у автора не получилась цѣльной или полной, а нѣкоторые очерки (4-й—Изъ исторіи монастырскаго богослуженія) являются и вовсе отрывочными. Несомнѣнно главнымъ образомъ виновата въ этомъ недостаточность матеріаловъ, бывшихъ въ распоряженіи нашего автора, но, кажется, не безъ вины здѣсь онъ и самъ. Думается, онъ могъ бы написать нѣкоторые отдѣлы полнѣе, чѣмъ это сдѣлалъ. Авторъ порой забываетъ свою задачу изображать внутренній бытъ монашества въ связи съ условіями мѣстной Псковской жизни, а также въ связи съ направленіями тогдашняго русскаго монашества. Напр. только мимоходомъ онъ бросаетъ замѣчаніе, что стригольническія волненія проникали и въ Псковскіе монастыри, и проводить въ подтвержденіе извѣстное свидѣтельство архіеп. Геннадія о чернецѣ Захарѣ (стр. 361, ср. 234). Но предполагаемое участіе монашества въ противояерархическомъ движеніи, по происхожденію своему можетъ быть иноземномъ, настолько важный и характерный фактъ, что онъ требовалъ бы внимательнаго разсмотрѣнія.—Довольно смутно представлено авторомъ и отношеніе Псковскаго монашества къ сѣверно-русскому. Съ одной стороны онъ констатируетъ самостоятельность псковской монастырскаго жизни, отрицая прямое на нее вліяніе сѣверно-русскаго монашества и отца его преп. Сергія Радонежскаго (стр. 466 и 468), а съ другой сознается, что Псковское монашество проходило тѣ же формы въ своемъ историческомъ развитіи, что и сѣв.-русское, и не представляло какихъ-либо особенностей въ своей жизни—внутренней и внѣшней (стр. 469, 495—496). Примирить эти положенія авторъ и не пытается.—Въ монашествѣ преп. Сергія развились два направленія, изъ которыхъ къ XVI в. выросли двѣ враждебныхъ партіи—іосифлянъ и заволжцевъ. Авторъ не ведетъ нарочитой рѣчи о томъ, къ какой изъ этихъ партій ближе по воззрѣніямъ было Псковское монашество, какому направленію оно сочувствовало; лишь въ одномъ примѣчаніи (стр. 487, пр. 3) говоритъ, что псковское монашество ближе къ іосифлянамъ. Но этотъ вопросъ, согласно задачѣ труда, заслуживалъ бы болѣе пристальнаго изученія и болѣе обстоятельнаго отвѣта.—Авторъ опустилъ изъ вниманія изслѣдовать вопросъ о служеніи Псковскаго монашества міру, хотя въ его источникахъ есть данныя, упоминаемыя имъ къ слову. Тѣмъ умѣстнѣе

были бы рѣчи по этому вопросу, что онѣ характеризовали бы направленіе Псковскаго монашества.

Переходя къ разбору устава преп. Евфросина, г. Серебрянскій справедливо рассуждаетъ о недостаточной разработанности въ научной литературѣ монашескихъ уставовъ и самъ беретъ для сопоставленія три памятника въ этомъ родѣ письменности: открытое имъ въ ркп. Тверскаго Музея Преданіе старческое, а предъ нимъ два иноческихъ правила: „Поученіе общей братіи“ по ркп. Троиц. Лавр. № 620 и „Завѣтъ мнишьскаго житья унымъ чернцемъ въ кельи“ по ркп. Ундольскаго № 52. Но оба послѣдніе памятники давно изданы по болѣе древнимъ спискамъ Новоструевымъ въ его „Древне-русскихъ поученіяхъ къ инокамъ о монашеской жизни“. (Матеріалы для исторіи русской церкви, т. I. Харьковъ 1862 г. стр. 134—142, 156—161). Знакомство съ этимъ изданіемъ расширило бы кругъ наблюденій нашего автора по вопросу имъ обсуждаемому въ данномъ отдѣлѣ.

Слишкомъ кратки его рѣчи о просвѣщеніи или книжности древнихъ псковскихъ иноковъ (484 стр. и слѣд.). Если бы нашъ авторъ взглянулъ на источники, изученные имъ главнымъ образомъ съ точки зрѣнія историческаго матеріала въ нихъ заключающагося, еще разъ какъ на памятники литературные, онѣ могъ бы написать цѣльный содержательный очеркъ по данному вопросу. Но только одинъ источникъ изученъ г. Серебрянскимъ такимъ образомъ—уставъ Евфросина.

Наконецъ книгѣ недостаетъ общаго возрѣнія на церковно-историческую роль Псковскаго монашества въ лицѣ его лучшихъ представителей, не достаетъ заключенія, которое бы сводило воедино частные моменты въ исторіи Псковскаго монашества. Сдѣлать это предоставляется самому читателю.

Таковы замѣчанія общаго характера, которые могутъ быть поставлены на видъ автору „Очерковъ по исторіи Псковскаго монашества“. Кромѣ того есть мелкіе недочеты.

Авторъ ссылается иногда на неудовлетворительныя изданія, на переводы вмѣсто подлинниковъ: Стоглавъ цитируетъ по изд. Кожанчикова, уставъ преп. Аеанасія Аеонскаго по кн. архим. Антонина „Записки поклонника св. горы Аеонской“ вмѣсто изд. въ подлинникѣ проф. Дмитріевскаго (Тѣ

тѣлѣ, I); книгу абб. Марена о Константинопольскомъ монашествѣ цитируетъ по рус. сокращенному переводу въ прилож. къ Русскому Паломнику.

Есть ошибки въ пользованіи источниками, сторонними для главнаго вопроса автора. Онъ ссылается (на стр. 223) на „Преданіе ученикомъ о жительствѣ скитскомъ“, принадлежащее Нилу Сорскому, между тѣмъ приводимый имъ текстъ взятъ изъ Надсловія къ уставу преп. Нила, Надсловія, написаннаго ученикомъ его Иннокентіемъ Охлѣбиннымъ (*Архангельскій*, Нилъ Сорскій, стр. 60, прим.). Ссылается авторъ на Новгородскаго лѣтописца, которому будто бы принадлежатъ извѣстныя слова о черноризцахъ „ихъ же ради молитвъ міръ стоитъ“. Между тѣмъ фраза эта содержится въ предисловіи къ начальному кievскому своду, помѣщавшемся во многихъ лѣтописныхъ сводахъ и написанномъ, какъ доказано недавно академикомъ Шахматовымъ, въ Кіевѣ между 1193 и 1196 годами (Извѣст. Отд. Рус. яз. и слов. И. Ак. Н. 1908 г., XIII, 1 кн. 232 стр.).

Встрѣчаются, правда рѣдко, рискованныя утвержденія. Таково заявленіе г. Серебрянскаго, что Житіе Евфросина въ редакціи Василія сохранилось въ такомъ количествѣ списковъ, въ какомъ мы не имѣемъ, кажется, ни одного памятника древне-русской письменности (стр. 160).—Въ общемъ осторожный изслѣдователь, умѣющій разобраться въ сложныхъ вопросахъ, г. Серебрянскій допускаетъ иногда методологическіе промахи. Въ Повѣсти о явленіи святогорскихъ иконъ сказано, что блаженный Тимоѣей, которому иконы явились, сосланъ въ заточеніе по распоряженію Новгородскаго архіепископа и поэтому скончался мученически. Такому извѣстію древней редакціи повѣсти авторъ произвольно предпочитаетъ показаніе редакціи новой, которая, умолчавъ о щекотливомъ фактѣ, описываетъ смерть Тимоѣея, какъ слѣдствіе недуга отъ проповѣди о новоявленныхъ иконахъ („пріиде въ Новъ-градъ, гдѣ занемогше отъ трудовъ проповѣди“... стр. 72).

Но долгъ справедливости требуетъ сказать, что часть отмѣченныхъ недочетовъ, и можетъ быть значительная, могла произойти не по винѣ автора—не по недостатку его любознательности или усердія, а вслѣдствіи внѣшнихъ условій, при которыхъ ему пришлось работать. Свою диссертацию, нача-

тую на студенческой скамьѣ, г. Серебрянскій дописывалъ т. е. заново перерабатывалъ, дополнялъ въ провинціи, вдали отъ рукописныхъ собраній, не имѣя конечно подъ рукою всѣхъ справочныхъ пособій и новѣйшихъ научныхъ изданій. Но если даже не принимать въ расчетъ этихъ обстоятельствъ, то и въ такомъ случаѣ должно признать обширное изслѣдованіе Н. И. Серебрянскаго добросовѣстной и очень цѣнной научной работой. Оно даетъ много новаго матеріала, детально изученнаго и критически очищеннаго, въ общемъ является по исторіи псковскаго монашества прекраснымъ трактатомъ, какого не хватало пока нашей литературѣ, и по всей справедливости заслуживаетъ своему автору степень магистра богословія“.

б) Сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ церковнаго права *Н. А. Заозерскаго*:

„Названный трудъ г. Серебрянскаго подъ скромнымъ названіемъ „очерковъ“ по исторіи монастырской жизни въ Псковской землѣ представляетъ очень обширную, тщательно составленную и научно обработанную монографію, посвященную начальной исторіи псковскихъ монастырей.

Обширное „введеніе“ (1—207) представляетъ критико-библиографическій обзоръ научной литературы и первоисточниковъ по исторіи Псковскаго монашества. Характерными чертами этой части сочиненія служатъ: полнота, тщательная детальная критика и основательность сужденій. Автора нельзя упрекнуть въ недостаткѣ начитанности и вниманія, а также въ пристрастіи къ корифеямъ литературы и въ высококомѣрїи къ скромнымъ труженикамъ, писавшимъ о псковскихъ монастыряхъ безъ научныхъ претензій съ единственною цѣлью доставить дов. общую, популярную освѣдомленность и назидательное чтеніе. Если въ чемъ и можно иногда возражать почтенному автору, то развѣ въ излишней требовательности его критики (напр., стр. 11, 22). Что же касается критики источниковъ, особенно знаменитаго житія Евфросина—то она, по нашему мнѣнію, не оставляетъ желать ничего лучшаго.

Самая исторія Псковскаго монашества расположена въ книгѣ г. Серебрянскаго въ видѣ слѣдующихъ отдѣловъ или „очерковъ“.

1. Начальная исторія монашества Псковскаго. Монастыри городскіе.

2. Исторія монашества пустыннаго. Псковскіе пустынно-жители: Пр. Евфросинъ, Савва Крыпецкій и Никандръ. Монастыри, основанные иноками пустынножителями.

3. Возобновленіе кievскаго вліянія на мѣстную монастырскую жизнь: исторія псковопечерскаго монастыря. Дальнѣйшая исторія монастырской жизни отъ присоединенія Пскова къ Москвѣ и до учрежденія въ немъ самостоятельной епархіи. Начальная исторія Святогорскаго Успенскаго монастыря.

4. Изъ исторіи монастырскаго богослуженія.

5. Хозяйственный бытъ псковскихъ монастырей.

6. Заключительный отдѣлъ. Общіе выводы изъ изслѣдованія и дополнительные замѣчанія.

Сверхъ того въ качествѣ приложения авторомъ издано 11 статей, доселѣ не появлявшихся въ печати или же неисправно изданныхъ.

По внѣшнему своему виду работа автора представляетъ книгу въ 37 листовъ большого формата.

Спрашивается, естественно, чѣмъ же вызванъ такой обширный трудъ? Соответствуетъ ли этой почтенной внѣшности внутреннія его качества?

Въ отвѣтъ на эти вопросы приходится сказать, что въ книгѣ автора, при всей ея огромности, нѣтъ ничего лишняго, что она—дальнѣйшая стадія въ научной дов. обширной литературѣ, посвященной исторіи псковскаго монашества. По существу работы автора, легко въ ней различить два элемента—критическій и положительный.

Обозрѣвъ свою литературу, авторъ приходитъ къ слѣдующему выводу: „внѣшняя исторія, исторія монастырей псковскихъ сравнительно уже разработана; но что касается исторіи внутренней, исторіи монашества, то ее или совсѣмъ нѣтъ въ нашей литературѣ, или она слишкомъ недостаточно разработана“ (стр. 29). Заполнить этотъ недочетъ въ существующей литературѣ и взялъ на себя трудъ г. Сербрянскій.

Такъ какъ исключительнымъ матеріаломъ, или источниками, изъ которыхъ открывается прошлая жизнь монашества, служатъ письменные памятники, то на изученіе ихъ и направлена ученая работа автора—и критическая, и синтетическая.

„Для историка-археолога письменный памятник — источник дополнительный, справедливо замѣчаетъ авторъ, въ которомъ многое можно оставить безъ вниманія. Для историка бытовой жизни это источникъ исключительно важный, въ которомъ цѣнна каждая мелочь фактическаго свойства. Въ предыдущихъ работахъ, какъ можно заключить изъ сказаннаго, письменные памятники не нашли для себя широкаго примѣненія и исторической оцѣнки, такъ какъ *общія* жалобы на недостатокъ письменныхъ источниковъ, разумѣется, нельзя признать оцѣнкою ихъ. Для современнаго изслѣдователя исторіи мѣстнаго монашества необходимо *точно* определить наличное число письменныхъ источниковъ и ихъ достоинство. Благодаря этому, напередъ будетъ видно, чего можно требовать отъ автора и какихъ требованій онъ не могъ удовлетворить, какъ бы ни были они важны“ (стр. 29).

Указавъ съ такою ясностію и опредѣленностію такъ сказать *raison d'être* своего историческаго изслѣдованія и его задачу, авторъ непосредственно затѣмъ предлагаетъ и фактическое ея осуществленіе.

Насколько же онъ выполнилъ ее?

Что касается перваго изъ вышеозначенныхъ элементовъ его работы—критическаго, то мы уже высказали общій судъ о немъ ранѣе—этотъ элементъ, по нашему мнѣнію, не оставляетъ желать ничего болѣе. Авторъ точно опредѣляетъ наличное число и вѣрно оцѣниваетъ достоинство первоисточниковъ, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ предлагаетъ въ своемъ изданіи въ концѣ книги, именно имѣющіе важное значеніе для внутренней исторіи псковскаго монашества.

Навыкъ автора къ критическимъ изслѣдованіямъ сказывается весьма сильно и въ освѣщеніи положительной части его изслѣдованія, въ освѣщеніи внутренней жизни и быта псковскаго монашества.

Очеркъ первый посвященъ исторіи городскихъ псковскихъ монастырей. Очеркъ сравнительно небольшой, что легко объясняется отсутствіемъ источниковъ. Главный источникъ—грамота Діонисія Архіепископа Суздальскаго, правда, касается внутренней жизни монашества, но и онъ даетъ указанія болѣе отрицательнаго характера, чѣмъ положительнаго,—именно указываетъ на нарушенія монахами устава ктитора

(Свѣтогорскаго монастыря). За то, пользуясь этими указа- ніями, нашъ авторъ со всею основательностію выясняетъ причины недостатковъ городского монашества, причины мѣстнаго характера—„между монахами и монастыремъ не существовало какой либо нравственной связи, были одни лишь экономическія отношенія“. Вкладничество—это корен- ное зло древнихъ городскихъ псковскихъ монастырей. „Сво- бодно располагая свою жизнь, монахи вкладчики не только не заботились о соотвѣтствіи ея съ правилами монашескаго устава, но не считали для себя обязательнымъ исполненіе и самыхъ основныхъ правилъ иноческаго благочинія“ (стр. 233). Правда, вклады существовали и въ другихъ мѣстахъ; но въ Псковской землѣ они сильнѣе привились къ монастыр- ской жизни благодаря промышленному характеру, которымъ проникнута была жизнь новгородцевъ-псковитянъ XIV— XV вв. „Здѣсь мы встрѣчаемъ купцы, или товарищества купцовъ, ремесленниковъ и землевладѣльцевъ, основы кото- рыхъ были исключительно фивансовыя“ (стр. 234). Этотъ характеръ и строй гражданской-общественной жизни отрица- тельнымъ образомъ вліялъ на складъ и настроеніе город- ского монашества.

Отрицательныя стороны городского монашества вызвали собою какъ бы реакцію противъ себя въ дальнѣйшей исто- ріи—образованіе пустынныхъ монастырей и преобразование городскихъ съ тенденціею возстановленія въ нихъ древняго общежительнаго устава по образцу кіево-печерскаго монасты- ря. Слѣдующіе два очерка и посвящены этимъ предметамъ.

Очеркъ второй—исторія монашества пустыннаго (стр. 240— 331) представляетъ, по нашему мнѣнію, лучшую часть въ сочиненіи автора, какъ по особенному интересу предмета, такъ и по выясненію авторомъ довольно темныхъ и запу- танныхъ вопросовъ относительно личности знаменитаго псков- скаго подвижника пр. Евфросина. Съ большою симпатіею ав- торъ относится какъ къ этому подвижнику, такъ и учени- камъ и послѣдователямъ его Саввѣ Крыпецкому и Никандру. Авторъ много потрудился надъ біографіями этихъ подвиж- никовъ, тщательно изучивъ ихъ житія, уставы, записи о чудотвореніяхъ, совершавшихся при гробахъ ихъ, и пред- ставилъ довольно отчетливую характеристику основаннаго ими пустынножительства.

Очеркъ третій (стр. 332 -- 358) посвященъ изображенію тѣхъ новыхъ теченій въ монашеской жизни, которые обозначились въ столѣтній періодъ отъ основанія Псково-печерскаго монастыря (1473 г.) и до основанія самостоятельной архіерейской въ Псковѣ каѳедры (1589 г.). Первое изъ этихъ теченій—возрожденіе кіевскаго вліянія на монастырскую жизнь. Проводникомъ этого вліянія былъ Псково-печерскій монастырь, или лучше сказать его основатели Іона и Мисаилъ и въ особенности знаменитый игуменъ пр. Корнилій. Они были ревностными почитатели пр. Антонія и Θεодосія Кіевопечерскихъ и усердными подражателями пещерной жизни. Съ присоединеніемъ Пскова (и Новгорода) къ Москвѣ обозначается новое явленіе въ мѣстной жизни псковскаго монашества—вліяніе московскихъ митрополитовъ на благоустроеніе монашеской жизни—въ особенности знаменитаго Московскаго митрополита Макарія и усиленіе государственнаго контроля надъ монастырскимъ хозяйствомъ. Это вліяніе впрочемъ не шло въ разрѣзъ съ первымъ, потому что и московскіе іерархи заботились о введеніи общежительнаго устройства и стремились уничтожить особножителство и порожденное имъ совмѣстное жительство чернецовъ и черницъ. Далѣе авторъ отмѣчаетъ важное общественное церковное и государственное значеніе Псковопечерскаго монастыря въ дѣлѣ распространенія православія въ пограничныхъ съ Псковомъ областяхъ и защиту его противъ напора католической пропаганды, а также нравственную поддержку въ борьбѣ Московскаго государства съ Ливонією (стр. 340). Очеркъ оканчивается изложеніемъ исторіи основанія Святогорскаго Успенскаго монастыря по инициативѣ Іоанна Грознаго, каковое не стоитъ во внутренней связи съ темою очерка и является неожиданно-эпизодическимъ.

Въ разсмотрѣнныхъ очеркахъ авторъ занимался *формами устройства* монашескихъ организацій общежительной, келліотской, пустынной или затворнической. Два слѣдующихъ очерка посвящены *содержанію* монашеской жизни и вскрываютъ предъ нами два такъ сказать полюса этой жизни—духовно-аскетическій—подвигъ молитвы и матеріальныя условія монашеской жизни.

Очеркъ четвертый носитъ рубрику; „изъ исторіи монастырскаго богослуженія“ (359—388), чѣмъ сразу дается по-

нять, что читателю предлагается не полная картина этого главного подвига монашеской жизни, а лишь фрагменты или наброски. Эта скудость содержания настоящего очерка объясняется у автора скудостью источниковъ. „Историческія извѣстія о состояніи монастырскаго богослуженія за весь раннѣйшій періодъ мѣстной монастырской жизни до половины XV в. настолько скудны числомъ и незначительны по своему содержанию—говорить онъ—что основываясь на нихъ, нельзя сдѣлать даже общихъ, болѣе или менѣе точныхъ указаній относительно этой стороны монастырской жизни“.

При всемъ этомъ должно сказать къ чести автора, что онъ исчерпалъ этотъ скудный источникъ до конца.

Дальнѣйшій очеркъ—хозяйственный бытъ псковскихъ монастырей (389—465), обширный по объему, весьма интересенъ и по своему содержанию.

Подъ перомъ автора довольно живо возстаетъ хозяйственный бытъ псковскихъ монастырей, источники доходовъ, способы приобрѣтенія земельной собственности и угодій, характеръ пользованія, отношеніе къ вотчиннымъ крестьянамъ и сравнительно неважная способность эксплуатаціи монастырскаго имущества.

Послѣдній (6-й) очеркъ содержитъ общіе выводы изъ изслѣдованія и дополнительныя замѣчанія. Въ немъ, на нашъ взглядъ, заслуживаетъ вниманія слѣдующее сужденіе автора о значеніи изученія псковской монастырской жизни для исторіи древнерусскаго монашества вообще. „При разъясненіи указаннаго вопроса необходимо въ исторіи мѣстнаго монашества имѣть въ виду внутреннюю жизнь и внѣшнюю—дѣятельность монаховъ за монастырскими стѣнами—въ мірѣ... Въ томъ и другомъ отношеніяхъ исторія псковскаго монашества не представляетъ собою какихъ либо особенностей. По нашему мнѣнію памятники по исторіи псковскаго монашества цѣнны лишь въ томъ отношеніи, что они *попнть* знакомятъ насъ съ отрицательными сторонами монастырской жизни. Многое изъ того, что приходится наблюдать въ другихъ русскихъ монастыряхъ, какъ случайное нарушеніе общезначительнаго порядка, здѣсь, въ Псковѣ, получило для себя болѣе устойчивую форму, считалось явленіемъ почти нормальнымъ“ (стр. 496).

О внѣшней дѣятельности и значеніи псковскихъ монастырей авторъ отзывается еще скромнѣе: „Древнерусскимъ монастырямъ принадлежала видная роль въ распространеніи христіанства, въ дѣлѣ русской колонизаціи, а также во внутренней областной жизни. Псковское монашество—за исключеніемъ псковопечерскихъ монаховъ да елсазаровскаго старца Серапіона—со стороны миссіонерской и колонизаторской дѣятельности почти неизвѣстно“ (стр. 497). Вся его дѣятельность этого рода ограничивалась *защитою* православія отъ натиска латинской пропаганды (стр. 497).

„Не занимая ни въ церковной, ни въ политической жизни высокаго положенія, признаннаго оффиціально, псковскіе иноки не имѣли постояннаго прямого воздѣйствія на теченіе мѣстной жизни. Все зависѣло отъ нравственныхъ качествъ отдѣльныхъ личностей, которыя дѣйствительно приобрѣтали иногда вліяніе на мѣстное общество. Таковы были псковскіе подвижники Корнилій, Савва Крыпецкій, отчасти Евфросинъ, а также иноки его монастыря Филофей и Памфиль. Общество дорожило ихъ совѣтами, уважало за ихъ учительность, прислушивалось къ ихъ обличительному голосу. Но все это—единичныя явленія. Вообще же мѣстное монашество въ общественной жизни занимало самое рядовое положеніе“ (стр. 498).

Выписанныя тирады, по нашему мнѣнію, даютъ наглядное доказательство присущей автору характерной черты какъ ученаго историка—точности, умѣренности въ выводахъ. Автора повидимому ни мало не смущаетъ мысль, что потраченный имъ громадный трудъ на изученіе исторіи псковскаго монашества привелъ его къ такимъ неутѣшительнымъ результатамъ о значеніи изучаемаго имъ предмета. Видно, что внутреннимъ его мотивомъ служила любовь къ исторической истинѣ, а не внѣшняя значимость изслѣдуемаго предмета.

Этотъ же мотивъ безъ сомнѣнія опредѣлилъ и взглядъ автора на монашество вообще. Онъ съ глубокимъ уваженіемъ относится къ православному монашеству и если на долю его, какъ историка, пришлось въ большинствѣ имѣть дѣло съ отрицательными сторонами монашества, то это обстоятельство возбуждаетъ въ немъ не враждебное къ нему отношеніе, а только—стремленіе изыскать и указать причины

этого печальнаго явленія. За то, съ какою любовію, съ какою тщательностію авторъ воспроизводитъ малѣйшія черты въ жизни и подвигахъ выдающихся свѣтлыхъ личностей псковскаго монашества!

Признаю усердный ученый трудъ г. Серебрянскаго вполне заслуживающимъ искомой имъ ученой степени“.

Справка: 1) § 29 Положенія объ испытаніяхъ на ученныя степени: „Если диссертация будетъ признана удовлетворительною, то Совѣтъ допускаетъ кандидата къ публичному ея защищенію“.—2) Требуемые § 32 того же Положенія и опредѣленіемъ Совѣта Академіи отъ 30 мая 1900 года 60 экземпляровъ напечатанной диссертациі г. Серебрянскимъ Преосвященному Ректору Академіи представлены.

Опредѣлили: 1) Допустить г. преподавателя Псковской духовной семинаріи Николая Серебрянскаго къ защищенію его диссертациі на степень магистра богословія.—2) Официальными оппонентами при защитѣ диссертациі назначить сверхштатнаго заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи *Н. А. Заозерскаго* и экстраординарнаго профессора *С. И. Смирнова*.—3) Предоставить Преосвященному Ректору Академіи войти въ соглашеніе съ магистрантомъ относительно дня коллоквиума и пригласить къ участію въ послѣднемъ постороннихъ лицъ.—4) Постановленія сіи представить на Архiepаcтbырское благоусмотрѣніе и утвержденіе Его Высокопреосвященства.

VI. Отзывы о сочиненіи исправляющаго должность доцента Московской Духовной Академіи по каѳедрѣ еврейскаго языка и библейской археологіи, кандидата богословія, *Е. А. Воронцова* подъ заглавіемъ: „Домасоретская и масоретская Библия, какъ манускрипт“, представленномъ (въ рукописи) на соисканіе степени магистра богословія:

а) Заслуженнаго ординарнаго профессора Академіи по каѳедрѣ Священнаго Писанія Новаго Завѣта *М. Д. Муретова*:

„Трудъ *Е. А. Воронцова* „Домасоретская и масоретская Библия, какъ манускрипт“, кромѣ краткаго введенія о предметѣ, содержаніи и характерѣ работы (стр. 1—12), состоитъ изъ слѣдующихъ 19 небольшихъ параграфовъ съ такими

заглавіями: 1) древне-еврейскіе авторы и переписчики ихъ твореній (стр. 13—28),—2) соферимы какъ пунктаторы (стр. 29—54),—3) соферимы какъ критики библейскаго текста (стр. 55—72),—4) *puncta extraordinaria* въ свиткахъ пророковъ и въ псалмѣ 27, 13 (стр. 73—78),—5) соферимы какъ преобразователи внѣшняго вида текста ветхозавѣтныхъ свитковъ (стр. 79—116),—6) изъ исторіи библейскаго свитка (стр. 117—182),—7) поля библейскихъ рукописей (стр. 182—194),—8) незаписанная масора (стр. 195—206),—9) изъ исторіи матеріала для письма (стр. 207—256),—10) книжный митпахать-папка и аронь-ящикъ (стр. 257—282),—11) заглавіе библейскихъ книгъ съ литературной и археологической точки зрѣнія (стр. 283—329),—12) письма еврейскаго библейскаго свитка (стр. 330—360),—13) конечныя буквы (стр. 361—374),—14) измѣненіе размѣра буквъ и ихъ формы (стр. 375—378),—15) перевернутый нунъ (стр. 379—386),—16) висячія буквы—телуיותъ (стр. 387—394),—17) изъ исторіи аббревіатуры (стр. 395—424),—18) дѣленіе словъ (стр. 425—442) и 19) отношеніе ветхозавѣтнаго библейскаго свитка къ стереотипному тексту (стр. 443—451).

Этотъ перечень весьма небольшихъ по своему объему параграфовъ работы Е. А. Воронцова даетъ достаточно полное о ней представленіе какъ со стороны ея содержанія такъ и характера. Она представляетъ собою выдѣленный въ спеціальную и обширную трактацию параграфъ изъ такъ называемой общей исагогики (общаго введенія) къ Ветхому Завѣту,—именно изъ отдѣла, посвящаемаго исторіи еврейскаго текста ветхозавѣтной Библии, частіе—одной только сторонѣ этого текста—внѣшне-матеріальной, относящейся къ археологии, преимущественно же къ палеографіи еврейско-библейской. Этимъ объясняется, что трудъ автора имѣетъ характеръ не систематически-стройнаго, единствомъ плана проникнутаго и идейно-объединеннаго разсужденія или доказательства какой либо одной отвлеченной темы, но въ огромнѣйшей части своей является внѣшне-описательнымъ и собирательнымъ изложеніемъ относящагося къ предмету разнообразнаго и идейно совѣмъ или мало связаннаго конкретно-археологическаго матеріала, въ видѣ отдѣльныхъ и отрывочныхъ замѣтокъ или, какъ характеризуетъ свою работу самъ авторъ, экскурсовъ по библейско-еврейской палеографіи.

Не смотря на такой, обусловливающийся свойством изучаемаго авторомъ предмета, характеръ его работы, она имѣетъ существенную важность для научно-теологическаго изученія ветхозавѣтной Библии. Какъ въ человѣкѣ его тѣло столь неразрывно связано съ духомъ, что только благодаря тѣлу дѣлается возможнымъ постиженіе многихъ движеній жизни духа, такъ и въ литературно-историческихъ памятникахъ вообще, въ религіозныхъ въ частности и, конечно, въ Библии, поскольку она есть и человѣческо-историческое явленіе,—многое можетъ быть постигаемо и подлежать изъясненію только благодаря уцѣлѣвшимъ даннымъ ихъ внѣшнематеріальной и археологической стороны. Многія явленія какъ въ теперешнемъ масоретско-еврейскомъ текстѣ Библии, такъ и у семидесяти, въ халдейскихъ таргумахъ и въ латинскомъ переводѣ Іеронима, навсегда должны бы оставаться для богословской науки такъ называемыми *crucis interpretationis*, если бы на помощь здѣсь не приходила археологія библейскаго свитка,—чему многочисленныя и наглядныя примѣры разсѣяны во всѣхъ почти параграфахъ работы автора, особенно въ 3, 4, 5, 6, 7, 11, 17 и 18-мъ.

Экскурсно-отрывочный характеръ работы автора нисколько однакожь не препятствуетъ ему обнять предметъ своего изслѣдованія широко; изложить его съ большею или меньшею подробностью и вездѣ съ возможною обстоятельностью, всегда на основаніи прямыхъ или косвенныхъ данныхъ современной науки.

Почти всѣ эти данныя авторъ съ неутомимою энергіей, кромѣ конечно самой Библии, извлекаетъ изъ едва обозримаго моря многовѣковой раввинской литературы, которую онъ владѣетъ вполне и въ подлинникѣ. Здѣсь авторъ является настоящимъ хозяиномъ—спеціалистомъ своего дѣла, не имѣя нужды основываться на довѣрїи къ переводамъ и толкованіямъ ученыхъ авторитетовъ, но черпая раввинскія свидѣтельства весьма обильно, свободно и изъ самаго ихъ первоисточника, доступнаго лишь очень немногимъ не только изъ русскихъ академическихъ ученыхъ, но и иностранныхъ христіанскихъ теологовъ.

Такимъ же полнымъ хозяиномъ—спеціалистомъ оказывается авторъ и въ литературѣ своего предмета. Ему из-

вѣстны многочисленныя журнальныя статьи, брошюры, книги и изслѣдованія, изъ коихъ нѣкоторыя составляютъ теперь даже большую библиографическую рѣдкость,—не только по библейско-еврейской археологiи, гебраистикѣ и семитологiи, но и по классической палеографiи,—со времени изобрѣтенія книгопечатанія и доннѣ появившіяся на языкахъ: латинскомъ, итальянскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ, англійскомъ. Нѣтъ ни одного положенія въ диссертациі автора, что не было бы снабжено подстраничнымъ цитатомъ одной или нѣсколькихъ изъ многочисленныхъ иностранныхъ работъ по данному предмету. По этой своей сторонѣ трудъ автора есть превосходный литературно-библиографическій тезаврусъ мало разработаннаго въ русской наукѣ предмета.

Такое обширное знакомство съ труднымъ первоисточникомъ и многоязычною литературою предмета было бы необъяснимо для обычной магистерской диссертациі, если бы за нею не стоялъ десятилѣтній и упорный трудъ спеціальнаго изученія авторомъ предмета своей академической каѳедры, коей спеціальнѣйшій предметъ совпадаетъ съ содержаніемъ диссертациі автора, что не всегда выпадаетъ на долю академическихъ преподавателей, особенно молодыхъ.

Впрочемъ трудъ автора былъ бы чѣмъ то невѣроятнымъ, если бы не имѣлъ никакихъ недостатковъ. Въ качествѣ общихъ недостатковъ, кромѣ уже указанной и обусловливающейся свойствомъ предмета труда отрывочности его трактатцiй, могу отмѣтить: слишкомъ широкія нерѣдко обобщенія на основаніи датъ, раздѣленныхъ между собою многовѣковыми эпохами (Моисей и Талмудъ),—не совсѣмъ строго научный приѣмъ прибѣгать къ недоказанному и противному исторiи консерватизму и даже стабилизму востока вообще и еврейства въ частности (особенно въ эпохи до Рождества Христова и въ первый вѣкъ по Рождествѣ Христовомъ) для объясненія явленій позднѣйшаго талмудизма, — отсутствіе сравнительнаго метода и исторической перспективы въ спеціальному изученіи сродныхъ еврейству сферъ семитическихъ,—оторванность археологiи отъ жизни и исторiи и ея самозаклученность въ однихъ только внѣшнихъ датахъ и притомъ исключительно почти раввинскихъ,—наконецъ постоянные и многочисленные талмудизмы и иностранные тер-

мины въ изложеніи, требующіе особыхъ истолковательныхъ примѣчаній для того, чтобы работа автора могла быть доступна пользованію и тѣхъ, кто не принадлежитъ по профессіи къ специалистамъ библейской археологіи. Эти специалисты могутъ отыскать недостатки и въ частной обработкѣ авторомъ матеріала, заключающагося какъ въ первоисточникахъ, такъ и въ литературѣ предмета, напримѣръ въ отношеніи самоличнаго изученія авторомъ библейскихъ рукописей, въ исторіи печатнаго текста Библии, въ интерпретаціи нѣкоторыхъ датъ первоисточниковъ и др. Но, и не будучи специалистомъ библейской археологіи, съ увѣренностью можно утверждать, что въ трудѣ автора нѣтъ такихъ и столько погрѣшностей, какія и сколько предполагаетъ онъ, конечно по авторской скромности своей, во второмъ эпитафій къ своему сочиненію изъ талмудическаго трактата Менахотъ, послѣ выраженія совершенно естественной надежды на помощь Божію въ первомъ эпитафій изъ Быт. 49, 18,—безъ всякой уже нужды прибѣгая *ad captationem benevolentiae critici* къ раввинскому афоризму о годности библейскаго рукописнаго свитка—книги съ двумя ошибками на каждомъ столбцѣ—страницѣ, конечно при условіи ихъ исправленія,—и о негодности рукописнаго свитка—книги при трехъ ошибкахъ на каждомъ столбцѣ—страницѣ. Авторъ вѣдь не механической переписчикъ съ готоваго оригинала въ стилѣ древне-еврейскаго софера—книжника, а настоящій ученый и самостоятельный изслѣдователь въ современномъ европейскомъ смыслѣ слова.

Притомъ указаніе этихъ возможныхъ недостатковъ въ трудѣ автора есть уже дѣло специальной научно-литературной критики, лежащее внѣ прямой задачи официального отзыва о магистерской работѣ. Цѣннымъ же съ этой именно стороны, трудъ автора представляетъ не только вполнѣ и даже болѣе чѣмъ удовлетворительную диссертацію, но и замѣчательное, пока первое и единственное (авторъ не цитовалъ ни одной русской работы, кромѣ одного изслѣдованія проф. Хвольсона) явленіе въ русской богословско-академической литературѣ.

Въ заключеніе можно пожелать, чтобы такой полезный и богатый содержаніемъ трудъ снабженъ былъ всевозможными указателями“.

б) Экстраординарнаго профессора Академіи по кафедрѣ библейской исторіи *А. И. Покровскаго*:

„Ученое изслѣдованіе г. Воронцова, какъ это ясно изъ самаго его заглавія, принадлежитъ къ типу специальныхъ работъ, библейско-археологическаго, или, точнѣе, еврейско-палеографическаго характера. Принявши не только за *prius*, но вмѣстѣ и за конечный выводъ всего своего изслѣдованія тотъ тезисъ, что современная еврейская печатная Библия есть отраженіе манускрипта храмовой азары, ученый авторъ главной своей задачей и поставилъ всестороннее изученіе, именно, этого мазоретскаго манускрипта. Но такъ какъ библейскій манускриптъ мазоретской редакціи, прежде чѣмъ онъ отлился въ окончательную форму, успѣлъ пройти довольно длинный рядъ вѣковъ, не прошедшихъ для него безслѣдно, то серьезное, научно поставленное изученіе мазоретской редакціи само собой необходимо требовало соответствующаго ознакомленія и съ до-мазоретскими вариантами текста и даже еще шире—ознакомства съ библейской археологіей и семитической палеографіей, вообще, какъ съ надежной процедуркой изученія кристаллизовавшагося теперь библейскаго текста мазоретовъ. Идя, именно, этимъ, единственно правильнымъ логическимъ путемъ и нашъ авторъ принужденъ былъ довольно широко раздвинуть рамки своего труда, превративъ его изъ узко-спеціальной работы по анализу современнаго мазоретскаго текста чуть-ли не въ цѣлый курсъ по библейско-семитической палеографіи, при широкомъ освѣщеніи его данными библейской археологіи.

Принципіальная важность трудовъ такого рода и научная цѣнность ихъ значенія настолько ясны, что не требуютъ особыхъ доказательствъ съ нашей стороны. Современный мазоретскій текстъ принято считать подлинникомъ ветхозавѣтной Библии и на этомъ основаніи усвоить ему высокій авторитетъ. А между тѣмъ такое, нѣсколько наивное, представленіе о немъ нуждается въ очень существенномъ ограниченіи. Дѣло въ томъ, что современный мазоретскій текстъ прошелъ вѣка, чуть не тысячелѣтія исторіи, прежде чѣмъ онъ отлился въ стереотипную форму и въ этомъ видѣ былъ преданъ печати, что произошло только въ концѣ средних вѣковъ. За такую длинную свою исторію онъ естественно не могъ избѣжать тѣхъ или иныхъ измѣненій и превраще-

ній, безспорныхъ для внѣшняго его вида (напр. смѣна письма „роѣцъ“ и „меруба“) и болѣе, чѣмъ вѣроятныхъ для внутренняго его смысла. Освѣтитъ весь этотъ длинный историческій путь, начиная отъ первичныхъ его истоковъ, затерявшихся въ глубинѣ первобытно-семитической древности, и кончая учеными диспуціями средневѣковыхъ раввиновъ и современныхъ гебраистовъ—археологовъ, значить оказать неоцѣненную научную услугу дѣлу реконструкціи библейскаго подлинника и прогрессу неразрывно связанныхъ съ нимъ библейскихъ дисциплинъ—псагогики и экзегетики.

Не смотря на всю важность и, можно сказать даже, необходимость подобныхъ библейско-палеографическихъ работъ, относящихся къ исторіи ветхозавѣтнаго манускрипта, современная библейская наука, не говоря уже о русской, но даже и западная, не только не можетъ похвалиться обиліемъ такихъ работъ, но имѣетъ полное право пожаловаться на ихъ недостатокъ. Выразительную жалобу на это мы находимъ и въ предисловіи къ труду у нашего автора. „Для каждаго лица, занимающагося литературой еврейскаго языка и способнаго цѣнить значеніе памятниковъ на этомъ языкѣ для семитической археологіи, должно бросаться въ глаза отсутствіе въ курсахъ такъ называемой Библейской археологіи нарочитыхъ изысканій въ области Библейской (шире—семитической) палеографіи. При наличности солидныхъ библейско-археологическихъ трудовъ и монографій по отдѣльнымъ отраслямъ этой дисциплины почти отсутствуютъ изслѣдованія по археологіи самой еврейской Библии, между тѣмъ послѣднія могли-бы являться надежной пропедевтикой для изученія Библейскаго мазоретскаго текста“ (2 стр.). То же самое, лишь въ еще болѣе расширенномъ объемѣ, повторяется и въ заключеніи всего изслѣдованія, гдѣ высказывается справедливое сѣтованіе на то, что „семитическая филологія не выступала въ качествѣ *judex* или *custos* для священнаго текста до послѣдняго времени“ (451 стр.). Пополнить этотъ пробѣлъ, дать спеціальную научную монографію, посвященную исторіи библейскаго манускрипта и разработанную на почвѣ данныхъ библейской археологіи, семитической филологіи и еврейской палеографіи, со всестороннимъ литературнымъ освѣщеніемъ ихъ, и ставить своей капитальной задачей нашъ ученый авторъ, выступающій въ

своемъ трудѣ во всеоружіи такой задачи. Нельзя, конечно, сказать того, чтобы работа автора не имѣла для себя соотвѣтствующихъ прецедентовъ въ западной, библиологической литературѣ. Скромность автора, не позволившая ему умолчать даже о спорадическихъ замѣчаніяхъ, какія онъ извлекалъ изъ разныхъ старинныхъ ученыхъ трудовъ (6 стр.), заставила его высказать признаніе, что импульсомъ къ его работѣ послужили изслѣдованія по новооткрытому еврейскому тексту кн. Исуса, сына Сирахова, а соотвѣтствующими образцами работы слѣдующихъ ученыхъ: *Ginsburg'a* „Massoreth ha—massoret of Elias Levita“ London 1867, I, 19. *Steinschneider'a* „Vorlesungen über die Kunde der hebräischen Handschriften“ Leipzig, 1897, *Bacher'a* „Die hebraische Sprachwissenschaft vom 10 bis 16 Jahrh. Mit einleitenden Abschnitte über die Massora. 1893. *Ejusdem* „Die exegetische Terminologie der jud. Traditionsliteratur. 1. Die biblexeg. Terminologie der Tannaiten“. Leipzig, 1899, *Mayer-Lambert*. Exposé de la grammaire hébraïque. Paris 1891. *Ejusdem* „Grammaire historique de la langue hébraïque“. Paris 1901. *Levias* „Grammar of aramaic idiom, contended in the Talmud“. Cincinnati 1905. *Loisy* „Histoire critique du texte et des versions de la Bible“ Paris 1892. *Eug. Savoureux* „Etudes historiques et exegetiques sur l' Ancien Testament. I—II t. Paris 1887. *Weir'a* „Schort history of the hebrew text of the Old Testament“ London 1906, и мн. др. Но справедливость требуетъ сказать, что за исключеніемъ развѣ только двухъ послѣднихъ и то очень краткихъ работъ, всѣ остальные могли служить для нашего автора не столько готовыми образцами стройнаго цѣлаго, сколько разрозненными элементами той постройки, которую въ значительной степени ему приходилось воздвигать самостоятельно, путемъ собственныхъ розысканій и усилій. Соглашаясь съ авторомъ, что его работа состоитъ изъ серіи экскурсовъ фрагментарнаго свойства, мы готовы сравнить ее съ старинной русской мозаикой, которая, если не всегда художественна и симметрична, то почти всегда солидна и прочна.

Главной отличительной чертой всего сочиненія г. Воронцова и вмѣстѣ самымъ цѣннымъ его достоинствомъ является глубокое непосредственное изученіе имъ первоисточниковъ, въ роли которыхъ у него выступаютъ, во-первыхъ, сама Библия, а во-вторыхъ, Талмудъ. Авторъ—рѣдкостный зна-

токъ еврейскаго языка, свободно оперирующей надъ всевозможными его формами, проникшей, такъ сказать, въ самый духъ и характеръ языка. Въ силу этого своего свойства, авторъ, по его собственнымъ словамъ, могъ смѣло и свободно „погрузиться въ стихи свободнаго изслѣдованія“ (6 стр.) такого матеріала, гдѣ на каждомъ шагу нужно самое серьезное, самое тонкое и глубокое знаніе еврейскаго языка и семитической филологіи, вообще. Въ этой стихіи онъ чувствовалъ себя легко и свободно, вполне, какъ дома: ему не было надобности, при различныхъ филологическихъ экскурсахъ, постоянно обращаться къ специальнымъ словарямъ и чужимъ авторитетамъ, какъ большинству не только нашихъ, но и западныхъ библеистовъ; нѣтъ, онъ полный хозяинъ положенія, который можетъ самостоятельно ориентироваться въ сложныхъ формахъ языка и вынести то или иное собственное, авторитетное рѣшеніе вопроса, основанное на глубокомъ филологическомъ анализѣ извѣстнаго семитическаго корня, на прекрасномъ знаніи его различныхъ идиомовъ и на широкомъ знакомствѣ съ его техническимъ употребленіемъ какъ въ Библии, такъ и въ Талмудѣ. Неудивительно, повторяемъ, послѣ всего этого, что г. Воронцовъ повсюду обнаруживаетъ въ своемъ сочиненіи самое широкое и глубокое изученіе мазоретскаго библейскаго подлинника и всѣхъ раввинско-талмудическихъ комментарій на него.

Если бы мы захотѣли доказывать это положеніе соответствующими иллюстраціями, то намъ пришлось бы переписать, по крайней мѣрѣ, двѣ трети всей работы автора, гдѣ даны многочисленныя и блестящія подтвержденія указанной черты. Изъ этого „моря“ свидѣтельствъ мы зачерпнемъ дватри примѣра, имѣющихъ, на нашъ взглядъ, особую практическую цѣнность, такъ какъ они или вскрываютъ ошибки, или выясняютъ нѣчто непонятное въ современномъ мазоретскомъ текстѣ. Одновременно они свидѣлствуютъ и о самомъ специальномъ знаніи авторомъ еврейскаго языка, его корнесловія, грамматики и лексикографіи. Таковъ, напр. анализъ I Сам. III, 3, въ рѣчи объ акцентахъ, гдѣ авторъ доказываетъ, что акценты замѣняютъ собой скобки. Въ данномъ мѣстѣ текста содержится повѣствованіе о томъ, какъ Самуиль спалъ въ храмѣ, гдѣ стоялъ ковчегъ завѣта. При высокомъ уваженіи евреевъ къ этой величайшей національно-

теократической святынѣ, такой поступокъ отрока Самуила казался крайне непонятнымъ и обычно объяснялся лишь полнымъ упадкомъ благочестія и культа въ дни Илія первосвященника. „Но акцентуація показываетъ—читаемъ мы у г. Воронцова — что слова עַל־מַטְוֵה представляютъ т. н. עַל־מַטְוֵה , эмблическій элементъ, слово, стоящее предъ ними, имѣетъ раздѣлительный закефъ, а подь עַל стоитъ атнахъ; съ выдѣленіемъ этихъ словъ рѣчь идетъ не о спаньѣ Самуила въ гехалъ, но о горѣни тамъ свѣтильника“ (50 стр.). Таковъ же, далѣе, детальный анализъ мѣстъ съ экстраординарной пунктуаціей, который ведется, авторомъ какъ по самой Библии, такъ и по всей относящейся сюда раввинистической литературѣ (58—78 стр.). Причемъ авторъ то констатируетъ здѣсь несогласованность и противорѣчія въ самомъ текстѣ мазоретовъ (Числ. 28, 13 и 29, 15; Быт. 25, 8 и 49, 29)—(52—53 стр.), то вскрываетъ ошибочныя чтенія мидраша (61 стр., 67 с.), то совершенно справедливо указываетъ ахиллесову пятю раввинистическихъ сужденій о вокализации (34 стр.), то выясняетъ произвольныя уклоненія и неправильныя конъектуры мазоретовъ (62—63 стр. 74 стр. и др.), то самъ предлагаетъ дѣльныя поправки мазоретскаго текста на основаніи сличенія его съ самаританской редакціей и литературой раввиновъ, вообще (69 стр.), то высказываетъ свои собственныя, очень правдоподобныя гипотезы и корректуры, основанныя на тонкомъ грамматическомъ анализѣ словъ и выраженій (65, 68 стр.). Совершенно аналогиченъ съ только что указаннымъ и другой отдѣлъ диссертациі г. Воронцова—„о незаписанной масорѣ“, гдѣ онъ даетъ самый внимательный, глубоко продуманный, свидѣтельствующій о прекрасномъ знаніи семитическихъ языковъ и широкой освѣдомленности въ раввинской литературѣ, анализъ 16 мѣстъ масоры, имѣющихъ техническое наименованіе „тиккуне софферимъ“ (196—206 стр.).

Всѣми отмѣченными свойствами, въ особенности, детальнымъ филологическимъ анализомъ специальныхъ еврейскихъ терминовъ и краснорѣчивымъ сопоставленіемъ библейскихъ цитатъ, отличается также и обширный, ученый трактатъ автора о *раздѣленіи* библейскаго свитка и заголовкѣ его различныхъ частей, въ особенности Торы (318—326), а также „тегилимъ“ (313 стр.) и „кетубимъ“ (316—318 стр.). Къ

числу подобныхъ же отдѣловъ труда автора, иллюстрирующихъ превосходное знаніе имъ еврейскихъ первоисточниковъ, долженъ быть отнесенъ и его трактатъ о *modus scribendi* древне-еврейскаго текста, особенностями которато онъ убѣдительно выясняетъ цѣлый рядъ важныхъ различеній текста мазоретовъ и перевода LXX (369—370 стр.). Наконецъ, сюда же относится и приводимый авторомъ рядъ детальныхъ корректуръ библейскаго текста, ошибки въ которомъ возникли на почвѣ недоразумѣній съ аббревіатурой (399, 404—424) и неправильнаго дѣленія словъ, т. е. ошибочнаго примѣненія кразиса и діересиса (427—338 стр.).

Такое внимательное и широкое изученіе первоисточниковъ, сообщившее всей работѣ автора фундаментальную прочность и внушительный авторитетъ, объясняется, какъ мы уже сказали, его исключительнымъ знаніемъ еврейскаго языка. Блестящимъ доказательствомъ этого, кромѣ вышеприведенныхъ примѣровъ, могутъ служить тѣ мѣста его изслѣдованія, въ которыхъ онъ даетъ историко-филологическій анализъ различныхъ специальныхъ еврейскихъ корней, напр. глагола רָפַף , съ его дериватами (288 стр.), глаголовъ רָבַח и רָבַח (208 стр.), терминовъ מִלְרַב , מִלְרַב מִלְרַב (209 с.), всего разнообразія понятій, соединяемыхъ со словомъ רָבַח (213—214, ср. 21 стр.), глубокой филологическо-историческій анализъ такихъ терминовъ, какъ „масора“, „мидрашъ“, „таргумъ“, „агада“, „дикдукъ“, „мегилла“, „галахоть“, „тосифта“ и м. др. При этомъ нельзя не отмѣтить и еще одной, очень цѣнной черты, что авторъ не ограничивается анализомъ и исторіей однихъ только еврейскихъ корней, но привлекаетъ ко всестороннему освѣщенію ихъ лингвистическо-грамматической матеріалъ и изъ другихъ, родственныхъ съ нимъ языковъ (сирскаго, арабскаго, ефіопскаго и пр. напр. 191 стр. 192, 194, 338, 372, 598, 412 и др.). Авторъ, дѣйствительно, остался вѣренъ высказанному имъ въ началѣ труда принципу, что „графологія Б. ведетъ насъ въ область еврейской и шире общесемитической морфологіи“ (108 стр.).

Несомнѣнно, что именно это самостоятельное знаніе авторомъ еврейскаго языка, его грамматики и исторіи, а также знакомство и съ другими семитическими нарѣчійми, спасло автора отъ рабскаго слѣдованія раввинскимъ авторитетамъ и поставилъ его даже по мѣстамъ въ критическое отноше-

ніе къ нимъ. Такъ напр. свой подробный разборъ мнѣніи различныхъ раввиновъ о способѣ линеванія текста, онъ заканчиваетъ такимъ категорическимъ приговоромъ: „вся диспутация средневѣковыхъ раввиновъ относительно линеванія библейскихъ манускриптовъ отражаетъ воззрѣнія и обычаи графики ихъ времени, а не древне-еврейскія преданія на этотъ счетъ“ (178 стр.). Точно также онъ неоднократно и съ большою силою убѣдительности говоритъ о „непостоянствѣ и измѣнчивости еврейско-раввинистической терминологіи“, отражающей на себѣ текучій процессъ постепеннаго дифференцированія библейскаго литературнаго матеріала, предшествовавшей его окончательной кристаллизаціи (303 с.); для него ясна также и тенденціозность многихъ раввинистическихъ комментаріевъ (334 с. 389 с.); онъ вскрываетъ противорѣчія между большою и малою масорою (185 с.) и даже справедливо упрекаетъ самихъ мазоретовъ въ недостаточномъ пониманіи ими архаическихъ формъ еврейскаго языка (напр. выраженіе *מלכה מלכה* въ Суд. 9, 8 и 10—188 стр.). Вообще, къ чести автора надо отнести, что онъ критически трезво относится къ раввинско-талмудической литературѣ, не скрываетъ ея многочисленныхъ недостатковъ (причудливаго экзегесиса, тенденціозности, фантастичности, казуистической скрупулезности и пр.) и по крайней мѣрѣ въ теоріи, держится принципа, что „мы не только можемъ, но и должны оставить раввиновъ на половинѣ пройденнаго ими пути“, (394 с.), т. е. взять у нихъ только графическія особенности ихъ образцоваго списка, но съ большимъ критицизмомъ отнестись къ ихъ толкованіямъ.

Въ тѣсной связи съ вышеуказанной чертой сочиненія г. Воронцова—его поучительнымъ отношеніемъ къ первоисточникамъ своего изслѣдованія—стоитъ и другая, аналогичная ей—подобное же отношеніе къ литературѣ предмета, къ тѣмъ монографіямъ, курсамъ, очеркамъ и статьямъ, которыя являются для него пособіемъ. Въ общемъ, здѣсь наблюдаются тѣ же самыя, уже знакомыя намъ особенности автора: широта знакомства съ литературой, внимательность ея изученія и критическая независимость отъ нея. Авторъ, прежде всего, собралъ и изучилъ огромную массу прямого и побочнаго литературнаго матеріала. Кромѣ вышеперечисленныхъ нами специальныхъ трудовъ Гинзбурга, Штейншней-

дера, Бахера, Майеръ—Ламберта, Леви, Люази, Савурё, Вейтра и др., авторъ основательно проштудировалъ всѣ библейско-археологическіе курсы, всѣ грамматическо-лингвистическія пособия, всѣ сколько-нибудь заслуживающія вниманія семитическо-палеографическія изслѣдованія и статьи. Каждая страница ученаго изслѣдованія автора положительно пестритъ ссылками на самую разнообразную литературу, при чемъ видно, что авторъ дѣлаетъ эти ссылки не по чужой указкѣ, беретъ ихъ не изъ вторыхъ рукъ, а приводитъ на основаніи своего собственнаго, непосредственнаго знакомства съ ними. Фактъ такого изумительнаго знакомства съ литературой предмета былъ-бы для насъ даже непонятенъ, если бы не объясненіе самого автора, что онъ „занимаясь въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ археологіей Библии (по предмету своей кафедрѣ—добавимъ мы), имѣлъ случай перечитать много сочиненій изъ западной библіологической литературы“ (11 с.). Нѣкоторые изъ этихъ цѣнныхъ сочиненій авторъ, насколько намъ извѣстно, доставалъ съ большимъ трудомъ, выписывая ихъ только на время изъ заграничныхъ книгохранилищъ.

Однако и это весьма широкое знакомство съ лучшей литературою предмета нисколько не поработило собственной мысли автора и не увлекло его на сравнительно легкой и главное—крайне соблазнительный, путь простого заимствованія, или подражанія имъ. По совершенно справедливому признанію самого автора „обиліе цитированныхъ сочиненій не мѣшало ему самому разобратъся въ первоисточникахъ: цитация указываетъ не на заимствование извѣстныхъ мыслей, а тѣмъ болѣе частныхъ данныхъ, но просто на сочиненія, содержащія полезныя соображенія экзегетическаго свойства и въ особенности свѣдѣнія по палеографіи Библейскаго еврейскаго свитка за періодъ отъ 9-го вѣка нашей эры“ (11 стр.). Доказательствомъ прекраснаго знакомства съ обширной ученой литературой, соединеннаго съ независимо-критическимъ отношеніемъ къ ней, можетъ служить, напр., трактатъ автора о зарожденіи библейской пунктуаци, гдѣ онъ подробно анализируетъ взгляды извѣстныхъ ученыхъ гебраистовъ: Эвальда, Гупфельда, Ольсгаузена, Де-Лягарде, Велльгаузена, Нельдекке и Хвольсона (80—89 стр.). Въ другомъ отдѣлѣ своей работы—по вопросу о типѣ письма („роецъ“ и „меруба“),—авторъ, разобравъ мнѣнія гебраистовъ: Гоф-

манна, Кѣнига и Штракка о послѣплѣнномъ языкѣ евреевъ, и ни однимъ изъ нихъ не удовлетворившись, даетъ свое собственное, оригинальное и нельзя сказать, чтобы не удачное рѣшеніе спорнаго вопроса, основанное на тонкомъ анализѣ библейскихъ текстовъ изъ книгъ Есфири (1, 22; 3, 12 и 8, 9) и пр. Даніила (5, 7—8, стр. 339—342). Вообще и здѣсь авторъ остался вѣренъ себѣ: онъ широко освѣдомленъ по каждому вопросу, но обо всемъ судить независимо.

Крупнымъ новымъ достоинствомъ ученаго труда г. Воронцова служить обиліе въ немъ обстоятельныхъ и интересныхъ библейско-археологическихъ экскурсовъ. Авторъ не только филологъ-гебраистъ, но и библеистъ-археологъ, по специальности. Поэтому онъ съ видимою любовью и большимъ знаніемъ дѣла, при всякомъ удобномъ поводѣ, говоритъ о разныхъ предметахъ, соприкасающихся съ областью библейской археологіи. Его одинаково занимаютъ не только большіе и важные вопросы религіозно-богослужебнаго культа, общественной жизни и частнаго, домашняго быта, но и такіе сравнительно мелкіе вопросы, какъ напр. на какой кожѣ предпочтительно писался синагогальный свитокъ (223—228 стр.), какія чернила для того употреблялись, какими иглами этотъ свитокъ шивался (232, 256 стр.) и какимъ ножомъ онъ предварительно подготавливался (254 стр.), въ какія обертки заворачивался (257—261) и куда на сохраненіе клался (262—267)? Причемъ изслѣдованіе этихъ археологическихъ деталей, нерѣдко даже предпочтительно передъ болѣе важными вопросами библейской археологіи и палеографіи, поражаетъ тщательностью и законченностью ихъ филигранной обработки. Въ интересахъ большей широты и полноты освѣщенія археологическихъ и палеографическихъ вопросовъ, нашъ авторъ имѣетъ похвальный обычай привлекать къ дѣлу и соответствующія параллели изъ классической древности. Это онъ дѣлаетъ выходя изъ того, совершенно правильнаго убѣжденія, что если не всѣ, то большинство внѣшне-культурныхъ начинаній занесено къ евреямъ отъ сосѣдей, у которыхъ, слѣдовательно, и должно искать объясненія ихъ происхожденія. „Неоспоримо—говоритъ авторъ—что талмудическій лексиконъ изобилуетъ варваризмами, реченіями греческими и латинскими, особенно изъ технической сферы... почти всѣ слова, входящія въ область

искусства письма, заимствованы раввинами у народовъ классическаго міра“ (395 стр.). Поэтому, въ сочиненіи г. Воронцова далеко не рѣдкость встрѣтить цитаты изъ Плинія, Тацита, Геродота, Ктезія, Цицерона, Тибулла, Катулла, Светонія, Марціала, не говоря уже о Филонѣ, І. Флавіи и христіанскихъ авторахъ—Оригенѣ, Бл. Иеронимѣ, І. Златоустѣ и др. Благодаря всему этому, въ обработкѣ археологическихъ сюжетовъ авторъ, повторяемъ, достигаетъ самыхъ блестящихъ результатовъ и поражаетъ насъ нѣкоторыми интересными новинками. Таково, напр., его любопытное сопоставленіе словъ *πεντατέυχος* и „библіотека“, такъ какъ въ основѣ ихъ лежитъ одинъ и тотъ-же терминъ — *τεῦχος*, который по еврейски транскрибируется какъ רִגְלָה и обозначаетъ собою особый сосудъ, или точнѣе футляръ, куда клалась та или иная принадлежность письма, равно какъ и цѣлый свитокъ. По Megilla 26, 6 еврейскіе филиактеріи имѣли свой רִגְלָה לְשׁוֹ רִגְלָה, по Мишнаѣ Kelim 16, 8 лисчій каламосъ древняго софера имѣлъ свой футляръ רִגְלָה לְשׁוֹ רִגְלָה. Этотъ, часто упоминаемый רִגְלָה и представляется тѣмъ сосудомъ, *τεῦχος*, какой собщилъ свое имя и всему свитку Пятокнижія, въ греческомъ переводѣ *Πεντατέυχος*—пять сосудовъ, а отсюда—метонимически, и тѣ пять книгъ (пять „хумашъ“, т. е. пять пятыхъ, на которыя дѣлилась вся Тора у раввиновъ), которыя лежали въ этихъ רִגְלָה. А что обычай сохранять книги въ подобныхъ футлярахъ существовалъ и въ классической древности, за это говоритъ приведенная авторомъ цитата изъ Анабазиса Ксенофонта, гдѣ упоминается о книгахъ, хранящихся *ἐν ξυλίνοις τεύχεσι*, въ деревянныхъ помѣщеніяхъ, или по нашему футлярахъ, разросшихся впоследствии до размѣровъ цѣлаго книгохранилища (*Βιβλιοθήκη*, Ксен. Анаб. VIII, 6, 14 (260 стр.)). Не менѣе любопытенъ и другой, случайный археологическій экскурсъ автора о происхожденіи „фелони“. Говоря о верхней крышкѣ для книжнаго библейскаго свитка (רִגְלָה), авторъ случайно коснулся и одного новозавѣтнаго цитата изъ 2-го посл. къ Тимоѳею (IV, 13), гдѣ упоминается „фелонь и книги, особенно кожанныя“. Это навело автора на догадку, что „фелонь“ означаетъ собой въ данномъ случаѣ не иное что, какъ верхнюю крышку для книгъ, иѣчто въ родѣ современнаго чехла, или брезента. Произведенныя авторомъ справки въ классической

литературѣ и въ т. н. Etymologicum маѣрум, вполне подтвердили справедливость такой догадки и установили, что терминъ *φαινόλης* обозначаетъ собою *εἰλητάριον μεμβραῖνον*, особый кожаный свитокъ, обертку, чему соотвѣтствуетъ какъ особая защитная обертка книжнаго свитка, такъ и специальный дорожный костюмъ древнихъ, предохраняющій отъ пыли и дождя. Изъ этой-то грубой, но прочной матеріи, надо полагать, и дѣлались первыя христіанскія облаченія, или фелони (ризы), которыя, какъ извѣстно, въ началѣ не разнились отъ обычныхъ бытовыхъ костюмовъ и не отличались роскошью и богатствомъ своего убранства (вспомнимъ и древнерусскія „крашенинныя“ ризы). Нѣтъ нужды также соблазняться и тѣмъ, что одна и та же покрывка, въ данномъ случаѣ „фелонь“, могла служить одновременно и для священнаго и для обычнаго употребленія. Для этого достаточно обратить вниманіе только на то, что и у евреевъ, особенно ревниво чтившихъ свой священный свитокъ, верхняя покрывка, въ которую заворачивался этотъ свитокъ — ихъ „Митпахатъ“ (מִתְפָּאֵחַ), по своему словопроизводству и употребленію въ Библии, указываетъ на женскій верхній плащъ. (Руѣв 3, 15; Ис. 3,—22,—257—258 стр.).

Но самымъ интереснымъ и цѣннымъ для насъ изъ всѣхъ археологическихъ экскурсовъ автора мы считаемъ его разсужденіе о синагогальномъ „аронѣ“ (אָרוֹן), какъ проливающее свѣтъ на своеобразное устройство христіанскаго храма. Величайшей религіозно-національной святыней теократическаго Израиля былъ, какъ извѣстно, ковчегъ завѣта, въ которомъ сохранялись свитокъ Торы, стамна съ манной и жезлъ Аароновъ прозябшій. Съ утратой ковчега завѣта, его свойства, какъ объединяющаго центра, были перенесены на свитокъ Торы, который и сталъ главнѣйшей святыней іерусалимскаго храма. Сосудъ или ящикъ, въ который убирался этотъ свитокъ, назывался „аронъ“ и онъ почти отождествлялся съ прежнимъ хранилищемъ Торы—ковчегомъ завѣта. По разрушеніи іерусалимскаго храма, его мѣсто заняли синагоги, въ которыхъ точно также Тора и то мѣсто, гдѣ она хранилась, стали составлять главную святыню и центральный пунктъ всего синагогальнаго зданія. По мѣрѣ роста синагогальнаго культа, этотъ „аронъ“, какъ видно изъ раввинистической литературы, все больше и больше

выросталь, возвышался и украшался. А такъ какъ свитки Торы и др. священныхъ книгъ, хранившіеся въ синагогальномъ аронѣ, предлагались народу для чтенія и поученія, то чисто практической мотивъ—большаго удобства для такихъ цѣлей, заставилъ вскорѣ поднять нѣсколькими ступенями выше, какъ самый аронъ, такъ и всю, прилегающую къ нему часть синагогальнаго пола. Такъ возникъ помостъ и „мигдалъ“ (повышенный „аронъ“, въ родѣ башни)—прототипъ алтаря и аналоя христіанскаго храма, на планъ котораго, какъ извѣстно, не осталась безъ вліянія современная ему іудейская синагога (266—267 стр.).

Заканчивая свою рѣчь о положительныхъ свойствахъ выдающагося ученаго изслѣдованія г. Воронцова, мы не можемъ не отмѣтить и внѣшнихъ достоинствъ его работы. По такому узко-спеціальному и сухому предмету, какъ палеографія библейскаго манускрипта, авторъ все же съумѣлъ написать работу, которую не безъ интереса прочтеть всякій библиистъ, а въ нѣкоторыхъ частяхъ ея (преимущественно, въ библ.-археологическихъ) даже и всякій, вообще, образованный библіофилъ. Этого онъ достигъ, помимо, разумѣется, широты и основательности освѣщенія имъ вопросовъ, въ значительной мѣрѣ и самымъ стилемъ своего сочиненія: яснымъ, сильнымъ, выразительнымъ, полнымъ остроумныхъ метафоръ и сравненій, порой возвышающимся даже чуть не до поэзіи (5 стр. 7, 154, 183, 185, 377, 451 и др.). Видно, что авторъ съ увлеченіемъ работалъ надъ своей темой и, что называется, вложилъ въ нее свою душу: какъ тонкій цѣнителъ и художникъ-специалистъ онъ кропотливо и усердно роется въ разныхъ археологическихъ мелочахъ, любовно восхищается ими, увлекается самъ и невольно заражаетъ своимъ настроеніемъ читателя, если только онъ не вовсе чуждъ интереса къ этой сферѣ. А это—высшая похвала автору и лучшая для него награда.

При всѣхъ своихъ незаурядныхъ достоинствахъ, сочиненіе г. Воронцова, какъ всякое человѣческое произведеніе, не лишено, разумѣется, и нѣкоторыхъ недостатковъ. Мы съ тѣмъ большимъ дерзновеніемъ рѣшаемся говорить о нихъ, что, во первыхъ, смотримъ на сочиненіе г. Воронцова, какъ на выдающуюся по своему характеру работу, и потому считаемъ себя въ правѣ предъявлять къ ней особо-повышенныя

требованія; а во вторыхъ, еще и потому, что значительная часть этихъ недостатковъ, при доброй волѣ автора, можетъ быть устранена имъ, при самомъ напечатаніи своей работы.

Главное наше несогласіе съ авторомъ касается *плана* его изслѣдованія: какъ общаго плана всей работы, такъ и распредѣленія матеріала во многихъ частныхъ ея отдѣлахъ. Отсутствие въ разсматриваемой работѣ опредѣленнаго, систематическаго плана признается и самимъ авторомъ ея: „предлагаемый трудъ—буквально говорить онъ—можетъ производить (и дѣйствительно производить, добавимъ мы), впечатлѣніе работы, веденной безъ системы и являющейся въ серіи экскурсовъ фрагментарнаго свойства, внѣ какого-либо легко находимаго интеграла“ (1 стр.). Даже больше того, авторъ не только сознаетъ этотъ недостатокъ своей работы, но и оправдываетъ его, возводитъ въ принципъ, чуть ли даже не въ достоинство ея, когда признаетъ себя сторонникомъ того, что нѣмецкіе ученые называютъ *regelmässige Regellosigkeit*, т. е. намѣренной (планомѣрной) безсистемности, основанія для которой онъ находитъ, повидимому, въ самыхъ свойствахъ изучаемаго имъ предмета (2 стр.). И авторъ, дѣйствительно, весьма усердно слѣдуетъ этому принципу. Въ обширной рукописи автора (450 стр. мелкаго, убористаго письма, безъ всякихъ полей) нѣтъ, прежде всего, обычнаго раздѣленія на части, или хотя бы на главы изслѣдованія. Въмѣсто этого, у него, кромѣ предисловія и одного указателя (перечень мѣстъ Библии, отмѣченныхъ знакомъ грамматическаго и логическаго разбора, т. е. песикомъ, 109—116 стр.), идетъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ, разрозненныхъ экскурсовъ, обозначаемыхъ лишь краткимъ заголовкомъ, въ родѣ: „изъ исторіи библейскаго свитка“, „поля библейскихъ рукописей“, „книжный митпахатъ и аронъ“, „конечныя буквы“, „перевернутый нунъ“ и т. п. Въ самомъ размѣщеніи этихъ фрагментовъ авторъ какъ бы намѣренно избѣгаетъ всякой систематичности и естественной послѣдовательности сюжетовъ: вслѣдствіе этого у него сначала напр. говорится о „записанной масорѣ“ (поля библич. рук.), потомъ уже о „незаписанной“, хотя дѣйствительное ихъ соотношеніе должно бы быть обратнымъ. Равнымъ образомъ, онъ сначала говоритъ объ оберткѣ и мѣстѣ храненія книжнаго свитка („книжный митпахатъ и аронъ“), затѣмъ о „заглавіи книгъ съ литера-